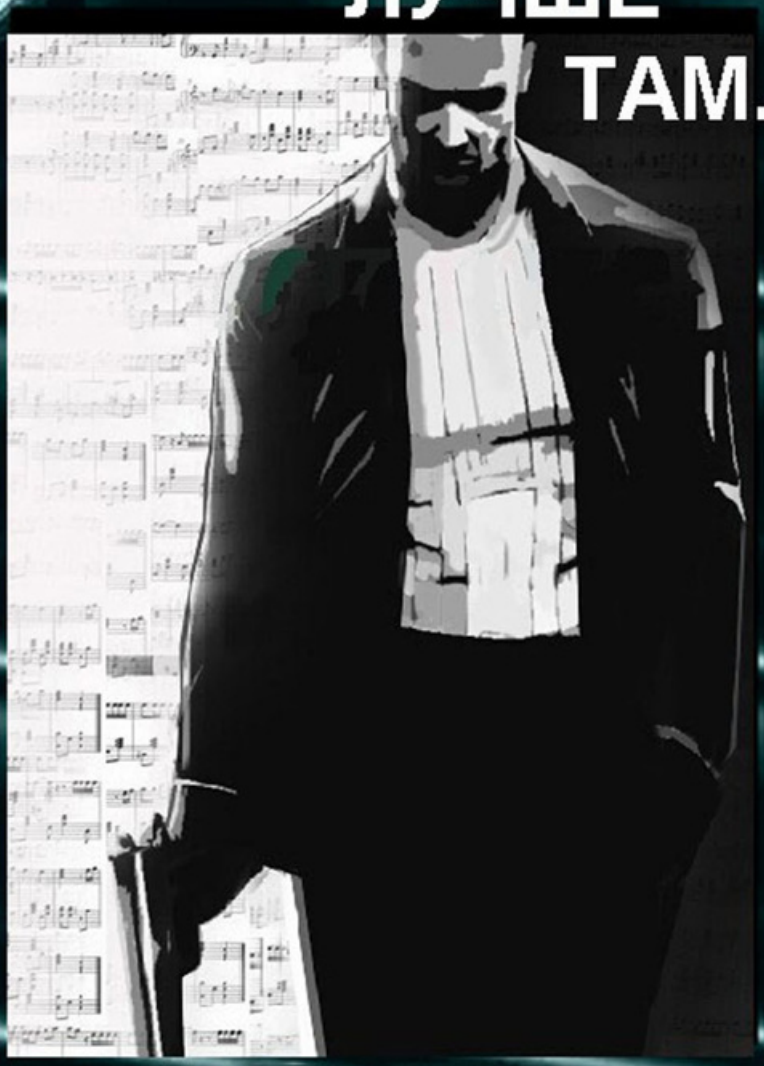
Игорь ФУНТ

ОСТАНУСЬ ЛУЧШЕ ТАМ...



18+

@ЭЛИТА

Игорь Фунт

Останусь лучше там…

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7148331

Аннотация

Жёсткий реалистический роман Игоря Фунта вскрывает тайны всемогущей криминальной организации, занимающейся терактами и заказными убийствами на территории России, и рассказывает о сложных судьбах простых пацанов, по воле обстоятельств втянутых в смертельную игру, изменившую, покалечившую жизнь и их самих. Не зря повествование предваряет фраза: «Герои книги даже не предатели Родины, они хуже».

Содержание

Часть первая 5
1 5
2 8
3 13
4 18
5 25
6 29
7 34
8 37
9 40
10 48
11 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Игорь Фунт
Останусь лучше там…

© ЭИ «@элита» 2013

Часть первая
Я – Секунда!

1

Пять-тридцать утра.

Надо идти на парад. «Ладно», – успокоился, проснулся вроде. Включил свет. Комната. Общага. Бардак жуткий! В комнате я один. Развалено всё, что можно. Надо идти. Прилег. В дверь бесцеремонно заваливается друган – Серега. Он хозяин этой комнаты. Поэтому сразу по-хозяйски ставит на традиционную тумбочку-стол бутылку «андроповки», рюмки, тут же наливает: «Ну, за Великую Октябрьскую Социалистическую Революцию!»

Тянусь с ленцой, успеваю коснуться и… вдруг звонок – резкий, пронзительный!

Реальность выметает остатки сна – никогда! никогда к этому не привыкнуть. Как в недостижимое прошлое уносится спасительная рюмочка водки праздничным полшестого утра, и была ли она вовсе?

Десять минут – туалет, очередь на очко, заправка коек. Разве можно заправить металлический шконарь тремя кусками ваты?

Глаза режет плотный, непробиваемый воздух: блевать или испражняться – разницы нет, запах один и тот же! – он неотделим от обитателей камеры три на два.

«Крытая» гудит низким алюминиевым басом, просыпаясь. Через двадцать минут утренний осмотр. Сверху из космоса осматривает землю Бог – Он видит все, должен видеть – но почему, почему Он не задерживается на омытых слезами отчаяния крышах Централа? – вот же они! – с высоты, равной бесконечности, только миг Твоего внимания, – и сотни благодарных глаз вознесутся к небу. Почему, почему взгляд Твой проскальзывает мимо?

Заползал по простыням тогда – шестого ноября восемьдесят четвертого – второй этаж всего-то! Крепкие узлы простыней, крепкие мышцы рук, – и мы на танцах в общаге Станкостроительного завода. Сил – уйма, – весна-а-а! Силы, силищи! – добавляли анаболические порции родной «пшеничной». Потом – кругом голова! Ноги ходуном, руки в кровь, драка… мир. Любовь, первая… в первый раз. Снова танцы! Провал, забытье… Утром – водка, парад!

Это потом, через пятнадцать долгих лет, старый друг Серега, Сергей Владимирович, достроит свой гипермаркет на тридцати гектарах бывшего Станкостроительного (того самого). А сейчас, между первой и второй, – э-э-х! – пора: Сереге на завод (парторг, завстоловой), мне – к моим джазовым приятелям по музучилищу, завернувшись в красные стяги пить «зубровку», хохоча под Кузьмина: «Когда нам было по семнадцать лет!» – а рядом, что есть силы, вразнобой, но весело, разрывает осенний морозец духовой оркестр: «Сме-ло, това-рищи, в но-о-гу!» – Просто им тоже хочется выпить, но… работа.

– Встать, лицом к стене! Руки за спину, приготовиться к осмотру. – Кормушка падает одновременно с последним приказом-гавканьем старшего прапора.

Что-то не заладилось с этим прапором, как-то сразу, с первого взгляда, где-то на подсознательном уровне. Дверь открылась – иллюзия дуновенья свежего воздуха оборвалась с ударами резиновой дубиной по наглухо приваренным к стенам шконарям. Вошедший первым дежурный опер проверял содержимое коек – дубина соскальзывала на плечи, головы стоящих спиной осужденных. Не дай бог что-то звякнет или выпадет. Тесно.

– Поднять руки! – Плотно прижавшись друг к другу локтями, лбами – в кромку второго яруса, ждем окончания осмотра-обыска. Нет! – он, второй проверяющий младший инспектор Ясенев, специально роется во мне чуть дольше, чуть пакостней, больно пронзая ребром ладони промежность. Он – цепляет ногтями за кожу, он – чувствует мою сжатую губами ненависть, и я, затылком, вижу его мерзкую полуулыбку: «Книжки читаешь? – нервно спрашивают потные руки контролера. – Не куришь? Приседаешь на прогулке?»

– От вас воняет, гражданин прапорщик.

После армии, на исходе восьмидесятых, так и не смог соединить разорванные службой половинки жизни. Все не то: ушло бездумное веселье, совковую размеренность сменила непонятная мне суета кооперативного движения. Парад революционных идей превращался в клоунаду. В кумачовый стяг высморкались и им же подтерлись.

Вернулся в часть на сверхсрочную: вел спортивную подготовку будущих военных разведчиков. По ночам медитировал. О музыкальном прошлом пришлось забыть. Какой уж тут джаз? Вскоре встретил Людмилу. Был настоящий роман, романс… Радовались жизни, планы строили. И, черт меня дернул, дурака: потащил списанную оптику на рынок. Там и попался. Замели. Оформили в кутузку. Пришили «кражу госимущества»: дали три года. Медитировать пришлось уже на нарах. Подсел на библиотеку – читал все подряд. Молился на скорую встречу-свадьбу… год.

Это сейчас, в мае две тысячи седьмого, когда пишу эти строки, чувствую себя абсолютно свободным. Вновь перевели на «крытку» – до суда. Дело идет к завершению тюремной эпопеи. Здесь я опять-таки встретил давнишнего дружка по «особой» зоне Санька – «гражданина начальника». Его, уже майора, как в лагерную бытность назначили шефом оперативной части – кум! – молодой да ранний. Сдружился с ним еще в колонии строгого режима. Умный, проницательный человек. Правильный мент – новая формация, так сказать, хм… А тогда…

Пятнадцать суток карцера – пыль для правильного пацана. Зубы? Выйду – вставлю! Кашель – жжет в груди? – ничего-о-о! – на то и чифирёк.

А дальше – все по новой.

– Гнида, сегодня на прогулку не пойде-е-шь!

Зубы стучат в ответ:

– А-й-я-и-не-х-х-очу-у-у…

– Жри, гнида!

И опять ледяное забытье. Сколько времени я здесь? Зима? Почему не холодно?

– Д-д-а, я сыт, гражданин прап… тварь.

– Поднять руки! – И вонью в ухо: – Что, не бывать свадебке-то?!

Внезапно накрыло волной ненависти: «Сука!» – Нормальный ведь с виду мужик: постарше меня, спортивный, высокий, не урод. Но какая-то гниль… душок. Он читал письма и про свадьбу знал. Он-то ее и зарубил ее! А я ведь полгода жил только этим, дышал ради этого, терпел. Свадьба – Любовь – Свобода! Пусть три дня. Три. Но как, как они были нужны!

Опустил руки и повернулся к нему лицом. Смотрел прямо в глаза, молча.

– Лицом к стене! Лицом к стене! Лицом…

Били в прогулочном дворике. Били опытные спецназовцы. Звук чавкающих ударов срывался-скатывался под шум дождя. Я извивался на мокрой бетонке, закрывая голову. Шел девяносто первый год.

Несговорчивость, больничка после унизительного ясеневского нравоучения – физически ослабнув, стал вполне авторитетным арестантом, жившим обособленно. Сломанные ребра постепенно зарастали в отличие от травм душевных. Людочка, как могла, подкармли-

вала, писала письма, на судьбу старалась не роптать. А свадьбу сыграем, и какую! – скоро, очень скоро.

И вновь…

Пять-тридцать.

Утренний осмотр.

– Лицом к стене!

Я уже поотвык от тараканов, падающих за ворот.

– Руки поднять! – прапорщик Ясенев сцапал книгу с моего шконаря, стал нервно листать.

– Там фотография…

– Молчать!

– Письмо оставь.

– Мордой к стене!!

– Письмо там… – Я повернулся на звук разрываемых страниц. Дежурный опер с помощником ждали за дверью на коридоре. Прапор с визгом «К стене-е-е!!» разбрасывал по слизи кубрика обрывки моей свободы… Острием вмиг одеревеневшей правой раскрытой ладони – тычок под кадык. Левый короткий без замаха крюк – прапору в висок, и третий завершающий апперкот снизу-вверх – в челюсть. Ясенев упал, как стоял, мешком вниз. Полторы секунды – три удара его убили. Он не дышал, в слизи, тараканах.

Не знаю, как тогда выдюжил. За жизнь младшего инспектора вернул половину своей, но остался живым. Выбросил любовь (Людке приказал забыть, не писать). Отдал здоровье. Перед смертью медитировал – нет! – не просил ни прощенья, ни о пощаде. Готов был ответить за каждый свой вздох. Молился, не зная молитв. Мораторий на «смертную» отправил меня в бесконечные скитания по сибирским лагерям и тюрьмам. Х-ха! Кликуха прилипла: «Секунда!» – Братва в шутку тыкала пальцем на неугодных, злобных ментов: «Секунда! Разберись-ка по-тихому!»

В конце девяностых, в колонии, познакомился с одним опером. Сошлись по книгам, спорту. Библиотека и спортзал – там я был свободен. Учил его медитации, как возвышаться над сознанием. Над осознанием. С его же помощью организовал небольшую спортивную секцию – в свободное от работы время пацаны тягали железо, играли в волейбол – все желающие. Упрекнуть меня не могли: по понятиям я использовал общение с ментом на благо общака. Авторитет, статья, погоняло и «десятка» за плечами говорили сами за себя.

…Конец. Восемнадцать лет. Что ждет за воротами? Я въехал сюда, когда страна заныривала из полымя социализма в капитализм, не успев сжечь, смыть за собой красный цвет. Что сейчас? Одни вопросы.

– Секунда, на выход. Кум вызывает!

Саня частенько приглашал меня на чаек… Поболтать о неизбежности близкой свободы. Спасибо тебе, Санек. Может, тебя-то и вымаливал тогда у Бога в начале девяностых, перед смертью. Только сейчас понял – это и есть ответ. Иначе не бывает. Он, Бог, видит и слышит, каждому посылая то, что просят. Просто не каждый готов принять посыл свыше сегодня, тотчас: всему свое время… как завещано временами давними, дельфийскими.

Последние десять лет меня спасала эта дружба. Странная дружба с правильным ментом со звучной фамилией Ясенев. Сыном того козла.

2

Боже правый,
Насмехайся над моими молитвами,
Детскими, глупыми.
Все обернулось ложью,
Тупо,
Безбожно.
Елена Ильзен-Грин, 1937 г.

Я не Кант, начиная с имени. Имя того философа – Иммануил – означало «принадлежность Богу». Меня же Секундой кличут – я с трех ударов, за секунду, мента завалил. Он умер, я – нет. Тут-то и началась чистая метафизика. Философ Кант (в отличие от меня – и молодец!) знал, что Бога и Свободу доказать невозможно, но надо жить, как если бы они были. Я – одной секундой плюс двадцатью годами отсидки (всего-то!) обосновал, что Бог и Свобода есть, но жил, как если бы их не было вообще. Это если в двух словах.

20 февраля 2008 г. ИТАР – ТАСС:

Испанской полиции удалось обнаружить и задержать ценные археологические находки нелегально вывезенные из Ирака, выставленные на аукционе в Мадриде. Как сообщает радиостанция «Кадена Сер», речь идет о трехсот пятидесяти предметах, в том числе глиняных табличках и золотых ожерельях, относящихся к шумерской цивилизации и Ассирийскому царству.

22 февраля 2008 г. Радио Свобода, Сергей Котецкий:

…Речь идет о ста двадцати девяти глиняных табличках с надписями и четках из золота и лазоревого камня – археологических находках из Месопотамии.

Они относятся к шумерской и вавилонской культуре примерно второго тысячелетия до нашей эры.

10 марта 2008 г., по материалам УНИАН:

…Напоминаем, что 9 марта в аэропорту «Борисполь» во время перевозки спецрейсом гроба с телом умершего старшего офицера украинского контингента в Ираке подполковника Сергея Передницких была задержана группа сопровождающих тело военнослужащих, у которых были обнаружены 550 тысяч долларов и более 1 500 единиц исторических ценностей из Ирака – их пытались незаконно вывезти из страны для последующей перепродажи.

По данным ЮНЕСКО, жители Ирака, воспользовавшись антитеррористической операцией союзных государств против режима Саддама Хусейна, украли из музеев страны археологические ценности на сумму в десятки миллионов долларов…

Та-а-к… Глаз – в оптике. Перекрестие – в точке прицеливания. Без наклона – в голову… дыхание… вертикально. Сектор ведения огня – чисто! Винторез и я – одно целое. Отдачи нет! – лишь легкий толчок в плечо. Свернутая в рулон сетка-радиатор превращает звук выстрела в ничто. Ствольная коробка, цевьё, глушитель, приклад – через минуту немоло-

дой уже чувак-очкарик с дипломатом в руке неторопливо чешет в институт, больницу – куда угодно, только не домой, домом я так и не обзавелся, не успел (успею ли?). За спиной год вольной жизни, реабилитация в буржуазной реальности, интенсивный курс физподготовки и восстановления. Я – киллер. Чемоданчика-кейса уже нет (где-то в реке), беру поезд на Запад; неделя, две – какая разница?

– La Madame! Que préférez? – «Ч-черт, это же Австрия!» – Frau! Dass sievorziehen? (Мадам, чего желаете?) – Если бы в зоне строгого режима ставили оценки, я б числился хорошистом по «иностранному».

– Я Оля! Хочешь, закажи водки. Ну, а нет – так нет. – Это даже лучше: русские кругом.

Читаю: «Зовут Вацлав, хохол («Ни хрена себе имечко для хохла!»), встреча, пароль, отзыв. Задача: пробить всю тему самому. Цена – много, очень много! Золото из Ирака… Если данные подтвердятся, отдыхать будем долго, очень долго». – Закрыл ноутбук. Открыл в неясной задумчивости. Вновь закрыл. Удивило: «пробить самому».

Немолодой официант в пиццерии напротив собора Stephansdom говорит по-русски. Дежурные фразы – двадцать лет… после перестройки – как дела, успехи? Улыбаясь в ответ, осматриваю центральную площадь Вены перед церковью, ехидно отмечая, что лично у меня успехов не особо-то наблюдается. «Как и у оборванного старика Вивальди, бродившего по этой площади пару веков назад, предчувствуя скорую смерть». – Иногда во мне просыпался студент музучилища двадцатипятилетней давности. Обычно это бывало не ко времени.

Через десять минут встреча. Месса уже началась. Весна, тепло! – утреннее солнце сквозь панорамное стекло кафе накрыло столики на двоих мягкой оранжевой скатертью. Они, халдеи – бывшие русские, сразу узнают собратьев – смеются, жмут руку, берут чаевые… в глазах только что-то тоскливо-знакомое.

Он стоял у входа в Храм: обыкновенный турист, крупного телосложения, примерно моего роста, за кажущейся мешковатостью чувствовалась спортивная упругость. Вокруг чисто… Я вышел из-за проезжавшей мимо лакированной черно-золотистой кареты, подойдя к нему сбоку, стараясь обескуражить внезапностью:

– If you were in the Vein and haven’t visited "Steffl", you didn’t see the Vein!

– Yes, you’re right![1] – ответив на пароль, он как будто продолжил недавно начатый разговор. Спокоен. Мы заинтересованно, под стать окружающим зевакам из экскурсионной группы, разглядывали западный фасад с «Воротами Гигантов» и «Языческие Башни» красавца-собора Святого Штефана, на ходу ловя рассказ англоязычного гида о том, как кайзер Фридрих III использовал весь годовой запас вина в качестве вяжущего материала при строительстве одной из башен…

Предложение было серьезным. Следующий контакт с доверенным лицом состоится в Киеве. Там – проверка товара, потом уже двинем в Россию. Но это потом. Сначала смотрим «сокровища», как их назвал хохол с польским именем… или чешским?

Расстояние с километр. Поправка на ветер. Два красных деления – ровно два метра вправо. Средняя точка попадания медленно движется вдоль фасада здания, где назначена встреча. Автоматически отрабатываю район, как если бы смотрел в оптику. На самом деле просто беззаботно прохаживаюсь близлежащими улочками, внимательно изучая возможные варианты и пути отступления – час уже как гуляю: на Украине схрона у меня не было, поэтому на встречу шел «пустым».

В назначенное время прибыл знакомый мне по Вене здоровяк. Много говорить не стали, в его джипе помчали на Сахалин – окраину Киева. По новой Окружной через Мин-

[1] Англ. – Если вы были в Вене и не посетили собор Штеффл, вы не видели Вену! – Да, вы правы!

ский массив. Главная достопримечательность: бросающиеся в глаза мусорные свалки. «А по свалкам бродят натовские солдаты, ищут, «чого б пожрати»! – хохотнул я про себя. – Ну, хохлы дают!»

Вацлав спокойно, деловито решал вопросы, это навевало позитив. Из каменно-гранитного мегаполиса в типично русскую деревню – пятнадцать минут. Подъехали к недавно восстановленному стадиону – свежевыкрашенные ограждения покрыты густым слоем пыли от куч из строительных отходов, разваленных-брошенных здесь же, повсюду, по всей округе. Зашли в распахнутые ворота – окрест ни души – поднялись на трибуну: «Молодцы! «Стопро» за нами наблюдают». – Нас видно абсолютно со всех сторон: они подстраховались насчет моего возможного прикрытия. В центре трибуны меж новенькими оранжевыми, под стать правительственной рекламе, креслами что-то типа сундучка. Большого такого сундучка. Открыт. На той стороне, прямо напротив нас, смотровая комментаторская будка – все ясно! – я поприветствовал невидимых партнеров: «Хай!» – Скабрезно так, нехорошо улыбаясь… как же не люблю такую беспомощную незащищенность! Оранжевый цвет стадиона наводил на размышления о временности правительств, режимов и вообще всего в этом бренном мире, в отличие от нетленной стабильности золотого блеска; майская синева неба зримо расширяла границы футбольного поля – солнце, прозрачный воздух, тишина! – почти как дома.

Книга Жизни, 4 Царствие, гл. 20, Ис. 39, 1

…Езекия… показал им свои кладовые, серебро и золото… и весь свой оружейный дом и все, что находилось в его сокровищницах; не оставалось

ни одной вещи, которой Езекия не показал бы им в своем доме…

– Что это?

– Золото!

– Я догадываюсь…

– Вавілон! Можна нічогенько так заробити. Навіть свою власну вежу сбудувати: з неї, якщо біблейський легенді вірити, Бога побачити можна!

– Да ты философ! – вспомнил Канта. – Если отбросить преступный умысел, мы с тобой соприкасаемся с Вечностью.

Вацлав:

– Говорят, это всё вещички Александра Великого.

Я запустил руку внутрь сундучка, перебирая серебряные и золотые кубки, ожерелья, монеты:

– Мог просто фотографии показать – здесь слишком много.

– Триста наименований. А ты бы сфотографировал доллары? – Вацлав делано скривил насмешливую гримасу.

– Ладно, – с ухмылкой, – ждем эксперта. Он будет через два дня. Пока готовлю проход через границу.

– Помочь? – Насмешливая гримаса переросла в участливую.

– Не впервой, прорвемся. За нами Киев.

«И золото скифов», – подумалось на прощание.

С их стороны – эксперт-криминалист с Павловки (местная «крытка»), с нашей подрулил Вячеслав Иваныч из Питера – Шеф прислал. Мы с Вацловом сидели в кафешке на Крещатике (где ж еще?) и тёрли за древнее искусство. Вспомнили про семь чудес света… Сокровища сокровищами, а у Вацлава душа болела за каштаны, которые, по слухам, собирались порубать в центре города. Май в столице Украины причудливо светится зеленью садов, золотом куполов, так по-русски. Блеск злата-се́ребра сказочного Вавилона меркнет

пред игрой радостных зайчиков от простого весеннего солнышка. Глаза приходилось зажмуривать. Собеседник оказался хитрей – пришел в черных фельдиперстовых очках:

– Но фонтаны же не могли быть из золота! А водоотвод? Сколько там было этажей? И везде текла вода?

Я слушал Вацлава и внимательно отслеживал происходящее на улице, за окном кафе. Нас, конечно же, вели – грамотно:

– Они еще и висячими были, сады-то эти… – Наблюдать за нами могли с любого места. Вацлав, также испытывавший напряжение, вел беседу профессионально-коротко, незаметно поглядывая по сторонам:

– Александр Македонский там и крякнул.

– А мы типа цап-царап, на смерти наживаемся? – прикольнул я.

– Типа не мы – типа американосы.

Ждали курьера от экспертов. Мы и сами были курьерами. Шеф иногда посылал меня в подобные командировки для тренировки в боевой обстановке: порой ход невинного задания сворачивал в незапрограммированное русло. Здесь требовалось внимание, концентрация – тот же бой, только «бой разума». Восемьсот наименований – пять контейнеров. Экспертиза длилась четыре дня. Завтра расчет и вывоз товара, специалисты дали «добро». Ящики спрятаны на «крытке», в спецбоксе – Шеф по старой памяти утёр вопрос с местными УИНовцами.

Шесть утра. Набираю Вацлава:

– Мне позвонили и дали «отбой» на сегодня: граница не готова. Контрольный звонок в пятнадцать ноль-ноль.

– Понял. Жду! – Вацлав, судя по голосу, даже не удивился.

Началось!

Схема такова: через солнечные тихоокеанские островки типа Самоа или Тонго денежки за золото Вавилона (по мировым ценам копейки!) убегают в Европу под видом векселей на покупку недвижимости. Там они интегрируются в транзакции, расслоенные по разным направлениям и так далее. Смысл – остаться в живых независимо от удаленности фиктивных банков. Я и Вацлав – поплавки на колышущейся глади международного беспредела. Под нами глубина размером в неисчислимые человеческие жертвы. Простые исполнители, работаем не за страх, но так бы все. В отличие от всех мы, как правило, доделываем свою работу до конца, до самого конца! Поэтому каждое наше слово сопровождается осознанием, как если бы оно, это слово, было последним.

Четырнадцать-тридцать.

Читаю:

«Вацлава ликвидировать. Основание: мы вторые, кто смотрел сундучок (по информации из источников Шефа). Точка». Шеф знал, я додумаю остальное. Связь односторонняя.

«Та-ак! Я-то полагал наивно – отдохну, кофейку попью».

За Вацлавом – люди. Шеф, убирая хохла, переводит стрелки на конкурентов. Смысл? Товар оплачен, проход в Россию готов, там ждут. Зачем ссориться, устраивать дешевый боевик, на Вацлава же тоже вывел Шеф. Сейчас от обратного: якобы конкуренты убивают Вацлава в отместку за сорванную сделку. Те, что стоят за убитым, затевают «ответку». В это время мы уходим с товаром через границу. Мы не знаем о кипише. Пока не знаем, якобы. Какая-то нестыковка.

Ответка… Я первый на прицеле (это и дуре понятно!), ведь я – человек Шефа. Но меня могут заподозрить в двойной игре и разменять так, для порядку – «поплавок!» Значит, товар уйдет, а я могу остаться в незалежной (или меня оставят). Уже ближе. Шеф – с товаром, я с хохлами на войну. Все очевидно. Тут что-то поважнее. Шеф дает мне пространство для

импровизации, понимая неоднозначность ситуации. Главное – появились конкуренты, и мы первыми наносим удар. Шеф предотвращает неприятности при выходе с Украины, вернее, перекладывает их на других. Возможно.

Пятнадцать ноль-ноль.

Звоню Вацлаву – о, удача! – он позвал меня в баню. В простую русскую парную. Пока то да сё, заодно и помоюсь. Встретились в центре города: за ним никого. Не спеша прогулялись, обговорили детали, и надо же! – Вацлав уверенно повел меня в баню при отеле «Днепр»: через просторный холл в сторону фитнес-клуба, там сауна. Служащие приветливо здоровались со мной – я жил здесь последние два дня, сменив перед этим пару пригородных гостиниц. Даже если баня в отеле не спланирована специально, я понял – они про меня знают больше, чем хотелось бы. Триллер под названием «Смерть в бассейне» отменялся. Вацлав искренне удивился совпадению и вовсе не собирался показывать полученное позиционное превосходство, зачем? Понимал ли он, что остался жив? Не будем недооценивать противника – понимал однозначно. Вывод? По ходу дела я в глубокой заднице!

Пока наши персонажи (я и Вацлав) мирно плещутся в новомодном басике с гидромассажем, два слова о Шефе: Александр Петрович Ясенев, подполковник, замначальника аналитического отдела Федерального следственного управления. Много лет отработал в системе Исполнения наказаний. Там, на зоне, молодой опер и я сошлись во время многочасовых философских споров. Сошлись надолго, крепко. От Канта до Ницше, как от саксофона до ножа, учитывая мое музыкантское прошлое. Честно говоря, я так и не понял, как мы с ним перешагнули черту неприязни жертвы к убийце. Шеф создал мощную криминальную структуру, основанную на информационном доступе к секретным сведениям спецслужб. Опираясь на пропитанных лагерной кровью и ментовским потом однополчан-солагерников, переплетая их в тугой клубок сложных, необъяснимых взаимоотношений, он вторгался на международное криминальное поле, жестко отодвигая недоумевающих заграничных боссов.

Александр Петрович был сыном мента, которого я убил в начале девяностых, но за которого ответил перед Законом. А перед ним?.. Лишь однажды, в девяносто седьмом, мы затронули тему убийства старшего Ясенева плотно, без обиняков. Санька узнал о трагическом инциденте с отцом будучи уже действующим сотрудником МВД, недавним выпускником высшей школы милиции. Затем пошли годы напряженной оперативной работы в спецучреждениях. Он понимал меня, во всяком случае, так мне тогда казалось. Хотя до сих пор так и не могу однозначно ответить – случай нас свел или провидение?

– Сань, давай, раз навсегда решим вопрос! – Я чувствовал, время пришло.

– Мне кажется, мы все уже решили. – Обычно он опускал глаза при упоминании об отце.

– Да, по ощущениям, эмпирически – да! – но ты пойми: я пацан. И должен поставить точку. Восемь лет парюсь и буду париться ещё. Мне дали «вышак», больше у меня ничего нет, только гребаный «вышак». – Опер грустно улыбался в ответ. Эта его невеселая улыбка превратится впоследствии в звериный оскал. – Я не хотел его убивать! Но я должен… был.

Санька молчал. Странно, больше к этой теме мы не возвращались.

Вечер после бани я хотел съехать с отеля, но, подумав, остался – смысл дергаться? Вацлава мне уже точно не достать.

Читаю: «Задание по ликвидации в силе. Для этого и выделен тебе день (вот дьявол!). Второе (я похолодел): золота в Украине нет. Груз ушел самолетом. В контейнерах кирпичи. Задача: исчезнуть до прохождения таможни. Сматываемся. Курс на Душанбе. Точка».

Оставленное мне на размышление время прошло хорошо: просто спал, и спал крепко. Оплаты товара не будет, все встало на свои места. На работу утром, в пять.

3

> Киев, май 08 (Новый Регион – Анатолий Комов) – 30 килограммов марихуаны, которую пытались вывезти в Россию, обнаружили украинские пограничники при осмотре спецтранспорта УИН в Сумской области. Тайник был оборудован между полом и системой отопления одного из грузовиков для перевозки заключенных… сообщает пресс-служба Государственной погранслужбы Украины.

С одесского направления на Москву через Сумскую область. Автопоезд из трех спецгрузовиков и двух УАЗов сопровождения двигался в сторону границы. Тряслись уже часа полтора. Я с Вацлавом в первом уазике. В машине нас четверо: водила-сержант, справа от него пассажир-майор, ответственный за этап, и мы на заднем сидении.

Звонит мобильный майора. Он в трубку:

– Так точно. Поворот на Нежин. Там дорога будет лучше.

Сигнал! Я понял: «Майор – свой». В пол-оборота, нам:

– Вас просят перейти в третий фургон. В нем поедете до границы вместе с конвоем.

Караван нехотя остановился. Мы выбрались из кабины. Восемь утра. Воздух ощутимо потяжелел. Дождик. Разминая суставы рук, шеи, не торопясь побрели в конец колонны. «Утро-о-о туманное…» – пел кто-то внутри меня. Расстояние меж грузовиками по пятьдесят метров. Внутри кузов автозака разделен на две половины: размером побольше – для зэков-этапников, вторая, ближе к выходу, – для охраны из четырех-шести человек. «Утро-о-о седое…»

Второй фургон. Мы обходили его со стороны обочины. Вокруг тишина и пустота. Морось. Замыкающий уазик тронулся с места, на пониженной передаче прошуршал в голову замершего автопоезда. Третий фургон. Всё, другой возможности не будет. На трассе чисто. Чтобы ослабить бдительность врага (точки над i), захожу вперед, подставляя спину. Осталось четыре метра. Колеса по грудь. Правой рукой, кулаком, по-боксерски постучал по жесткой резине, замурлыкав себе под нос: «Я вижу все твои трещи-и-н-ки-и… а-а-а-а…» – Иногда во мне просыпался студент музучилища двадцатипятилетней давности. Обычно это бывало не ко времени.

Лезвием выкидухи, внутренним хватом, с левой, со спины – молниеносный удар в пах! – тут же поворот к противнику лицом. Жесткой открытой ладонью – резкий тычок в нос! – и нож уже чертит по горлу жертвы заключительный штрих. В стекле глаз Вацлава осознание проигрыша, он обмяк, оседая вниз. Быстро запихнул податливое пока тело под грузовик. Огляделся. Караван стоял изогнутой гусеницей, в зону обзора зеркал заднего вида я не попадал. Прошла минута… Передние машины, покачиваясь, начали разгон.

Шаг – притулившись, пригнувшись, – я в овражке под обочиной трассы. «Шеф сделал все возможное для моего выхода из игры, ни больше ни меньше, тютелька в тютельку». – Сразу перекатил-затащил Вацлава сюда же в кустики, как только колесная громада отъехала метров на двадцать, обнажив на асфальте одинокий труп. Военизированный кунг не имеет окон – наблюдать нашу недолгую возню оттуда никто не мог, от случайных встречных, попутных свидетелей-автомобилистов бог миловал. Сотовый телефон из недр одежды трупа два раза уже звал хозяина – Вацлав ждал «добро» об оплате товара.

Бегом, галопом рванул в обратном направлении. Где-то в ближайшем поселке я запрыгну на попутку. Двойной вдох, тройной выдох. Кросс по пересеченной. «Вся наша жизнь пересеченная местность, блин». – Закинул в грязную лужу мобилу хохла с чешским

ли, польским именем… может, и вовсе русским. Туда же, в небытие, – нож-выкидуху, загодя купленную в ближайшем «Рыболове». Вперед – на Киев!

Нету дома, нету флага, мама.
Нету дома, нету флага, мама.
Нету дома…

Поделили пополам, побрили наголо.
Побелили потолок, а пола не было.
Свет или темно,
Все мы на одно… —

группа «5’nizza» пела свою прощальную песню, выдворяя меня с Украины рокотом реактора самолета, приглушенного беспокойным сном…

Жаркую тишину гостиничного номера взорвал таджикский рэп – бодрый, вполне «черный», качественный. Восточная мелодика органично вплеталась в жесткий европейский ритм вместе со сладким запахом южного лета, плова и звуками дутара в открытое окно отеля «Душанбе». Пытался проснуться – другая реальность, что ж, я привык! – но в той же жизни, без бонусов. Один бонус – смерть; открыл глаза. Через час стрелка с курьером. Лето! Здесь уже вовсю жарит.

Свиделись у касс Русского театра, прошвырнулись по центру. Курьер, давний знакомец – Серега Корякин – с нашей «организации», позывной «Кряк!» еще с первой чеченской. С двумя пацанами он прибыл для моего прикрытия. Они (пацаны) и сейчас где-то рядом, неприметные обывательскому глазу. Наша задача: передать контейнеры с товаром покупателю, подтвердить оплату, выпить чая – и по домам.

Красота! – как все просто. Между делом поинтересовался об исходе украинской операции. Если нельзя – не скажет. Кряк сказал. Значит, было позволено… Короче, если бы они, наши украинские «друзья», знали кому объявлять – они как пить дать объявили бы нам войну.

Серега позвонил на следующее утро – клиент прибыл. День они его «поводят», встреча завтра. Золото упаковано в «столыпине» (куда ж без Шефа!) на задворках железнодорожной станции. Товар покупателем заблаговременно проверен, в Душанбе расчет и подгон вагона в пределах Таджикистана по адресу заказчика. Я так понимал, груз движется в Афган. В шпионов играть не стали – договорились познакомиться на пятом этаже моего отеля, в ресторане. Клиент оказался лет пятидесяти, плотный, невысокий. Взяли плов по-душанбински: рис горкой, сверху нарезанные мясные лепешки. Гость попросил доставить спецвагон в Термез. Я, в принципе, был не против, но это Узбекистан, значит нужна консультация. Вновь повстречаться условились здесь же, назавтра, за чашкой чая. Вслед из пряно-пахучего зала выплыли еще три человека-тени.

Утро. Гостиница «Душанбе».

Читаю: «Ты должен сопроводить товар до Узбекистана. Сигнал об оплате получишь перед границей. Далее идешь на Термез своим ходом, быстро. Встречаешь поезд, забираешь ящики, все уже будет сделано, подчищено. Там с тобой свяжется мой человек – начальник грузового депо: пароль-отзыв. Спрячете все в таможенном терминале у погранцов, железнодорожник в курсе где, но учти, он не в теме, о каком грузе речь. Точка».

Думал, чайку попью.

Серега доложил руководству о моей недавней беседе с покупателем, я получил инструкции к дальнейшим действиям, все шло по накатанной. Доставка информации из разных источников – норма прикрытия. Высший пилотаж – в избирательности и изобретательности выбора путей исполнения поставленных задач. Серега, майор Корякин, числился командиром спецвзвода при оперативной группе погранслужбы России, которая осталась после передачи Таджикистану памирского участка таджикско-афганской границы, так что действовал вполне легально. Озвученная ему Шефом официальная версия: отработка и уничтожение каналов по сбыту оружия боевикам. Про ценный груз Кряк, естественно, сведений не имел, считая, что занимается поимкой оружейных баронов, меня принимая за внедренного оперативного сотрудника, связанного с военной разведкой.

Сидим с клиентом в том же зале ресторана, где были вчера.

– Я в курсе вашей операции на Украине. – Мужичок-плотнячок по-хозяйски загнул рукава белоснежной рубахи, повесив претенциозно глянцевый пиджак на спинку стула. Я удивленно вскинул брови.

– Мы следили за движением товара, – продолжил он, – вы завалили всех, кого только можно!

– Откуда сведения? – Я был настроен иронично.

– Газеты читаешь?

– А сюда идет демократическая украинская пресса?

– Еще как идет! Кстати, здесь она более демократична, чем в Украине… – Покупатель представился Иваном, и он оценил мой сарказм. – Все газеты трубят о том, якобы военные под прикрытием этапа пытались ввезти в Россию наркоту. – Иван, видно было, много знал, часто ездил по миру; выпивал, видимо, что отразилось на внешнем облике, но небольшая дряблость лица компенсировалась достаточной подвижностью тела.

– Я недавно вернулся с командировки… Про Украину слышал краем уха, но нашему с вами делу это не помешает, не повредит.

– Надеюсь, Секунда. – Так я обычно и представлялся клиентам, тем более что многие из них переставали вскорости существовать. Но вот про наркоту услышал впервые (и Серега Кряк не сказал): «Да-а… Шеф начисто обрубил украинский хвост, под корень!»

– Ну-у… Что ж. Тогда до поезда. – Заключил я. Мы пожали друг другу руки.

– Кстати, – вставил Иван, направляясь к выходу, – тебя пасут три чувака. Так вот! – у меня раза в четыре больше. И ты их вряд ли увидишь. – Что прозвучало всего лишь предостережением. Я, кстати, понял.

За окном степное однообразие можжевельников. Стук колес располагал бы ко сну, если б не духота.

> Согласно сообщениям из Средней Азии, в этом регионе вновь представляет угрозу поставленная вне закона группировка, ответственная за террористические атаки в прошлом. До последнего времени считалось, что Исламское движение Узбекистана (ИДУ) было уничтожено в ходе возглавленной США военной кампании в Афганистане. Однако, как утверждают власти Таджикистана, движение вновь активизировалось.

Шеф дал понять, с кем имеем дело, поэтому я немного обескуражился заданием: не те силы, чтобы противостоять Ивану, если только в Термез уже не стягивалось подкрепление. Узбекская граница завтра утром – мне на выход после подтверждения оплаты контейнеров…

Поезд был товарно-багажным, без пассажирских вагонов: полупустой «столыпин», заряженный золотом, – вслед за локомотивом, далее почтовый и грузовые. Начальник спецвагона – майор, человек Шефа, с ним трое вооруженных солдат. С нашей стороны – Серега Кряк с пацанами и Иван со своей армией из двенадцати бойцов, разбросанных по составу.

Мы по двое валялись на выданных майором матрасиках в темных, без форточек, камерах на колесах. Почитать, покурить – на коридор или в тамбур. Вагон бренчал плохо прикрученными к стенам решетками. Иногда заруливали на чаёк в купе начальства – лафа! – там отворенное окно. Удручающая обстановка этапа навевала тяжелые чувства – я не углублялся, гнал их. Начало лета – терпимо пока! – все возможные щелки-створки «столыпина» распахнуты. Не мог почему-то избавиться от одного только ощущения, подставив лицо горячему встречному потоку в грохочущем тамбуре – от впечатления въевшегося в кровь беспросветного сибирского мороза. Прикрыл глаза, и ты там, в плотно набитой людьми-полутрупами ледяной конуре. Открыл – опять там… что за черт! – просыпайся, брат, твоя станция!

Они не были готовы к такому отпору, мы были готовы к такой атаке! Без бронников, без света-шума-газа, налегке – боевики друг за другом исчезали-сваливались из дверных проемов, не успев прорваться внутрь вагона. Оборонявшиеся стреляли прицельно, одиночными – но кучно, в точку. Налет произошел во время очередной минутной остановки (стояли часто, пропуская пассажирские). О бандитском штурме нас курсанул машинист, своевременно снабженный радиосвязью без ведома начальника-майора, так что неожиданностью штурм обернулся для самих нападавших, работавших по схеме: первая с обрезанной крышей «Нива» останавливается в голове состава, две других атакуют по центру, замыкающая контролирует обстановку с хвоста поезда. Машиниста подвигли на сотрудничество фээсбэшные корочки да пара-тройка зеленых Франклинов, подменяющих собой в бескрайних, небогатых свежей зеленью степях, неиссякаемую веру в чудо.

Совместными с бригадой Ивана усилиями встретили врага одновременно по всем направлениям. Боевые действия были скоординированы заранее, в подготовке бойцов обоих отрядов можно не сомневаться. Первые входящие боевики (подозрительно уверенно, без оглядки, что в дальнейшем объяснилось довольно тривиально) тут же, практически бескровно, обездвижены. Вторая волна отброшена точным, точечным пистолетным огнем; остальные, кто просто бегом, кто – рывком со второй передачи исчезали за стеной взорванного колесами песка, смешивающегося с вихрем автоматных очередей с набирающего скорость «столыпина» вдогонку удирающей банде – это вступил в бой резерв майора – как в песне, блин! Что ж, вовремя.

Ну, за майора-то я не переживал – страсть к деньгам, написанную маслом от плова на его лице, мудрено скрыть. Как не скрыть ее, неутоленную страсть, не испитую жажду денег, у большинства населения гостеприимного южного региона бывшего Союза, что, впрочем, давало основание предположить беспрепятственный проход на Термез доверху забитого контрабандой паровозика… Золото в тайнике под полом нашего вагона ждало своего часа. Жара стала ощутимой, пробивала тело в пот.

– Расплавилось, как будешь выскребать? – Мы с Иваном сидели в одной из камер перед экранами ноутбуков, ожидая сигнала об оплате.

– А прямо в печку, на слитки, – шутя в ответ.

– Не жалко? Реликты.

– Х-ха! Ты не поверишь: оно уйдет обратно в Ирак в обмен на оружие. А оружие-то, х-ха! – ваше, российское! – новое, блин… Недавно только выставки прошли. И вернется оно втридорога вновь сюда! – к тем, кого мы в вагончик не пустили, блин.

– «Ваше?..» – переспросил я, глядя в монитор.

– Хм, давно уже и не наш, и не ваш. Я грек по паспорту.

В соседней камере, затравленно съежившись, сидел пленник-киргиз, выловленный во время нападения и оставленный так, на всякий случай. Был он немного покоцанным, но живым. Разговор с пленником вели два спеца – Корякин и Слон, человек Ивана. В армейской бандане на голове, рваной гимнастерке, трико, кроссовках, боевик пытался юлить поначалу: «Плёхо говорю…» – Не прокатило. Пытался пробубнить-промямлить: «Думали типа ком-

мерсанты… типа везут товар…» – На что ему жестко, с подогревом, отвечено: якобы мы – спецподразделение ФСБ России (большие красные корки под хлюпающий нос), об их нападении нас предупредил майор, и майор же сдал нам канал поставки наркоты в Термезе… куда мы сейчас и движемся. «Так что, брат, жить хочешь, тюрьма хочешь? Сибирь… нет? Говори, сука!» Он сказал, но сказал то, что и так было ясно.

Киргиз спрыгнул с поезда вместе со мной перед погранпунктом Турсунзадевского района – его вид выражал одно: он дома. Лицо не выдавало эмоций – поджарый, собранный степной зверек растворялся в сухой пыли: бочком-бочком, держа меня на прицеле щелками глаз. Только руки (вот!), повернутые ко мне раскрытыми ладонями (Восток!), выражали благодарность.

Я бежал ровной рысцой в сторону населенного пункта, представляя, что подумают обвешанные пулеметными лентами степенные аксакалы в Ширкентском ущелье о предательстве алчного шакала-майора. Двойной вдох, тройной выдох. Мне надо выйти на трассу Душанбе-Термез – документы военного, пропуск в погранзону, немного долларов вперемежку с рублями и сомони. Кинчев пел: «Трасса эм-девяносто пять!..» – Примерно то же напевал и я (громко сказано, лучше – рычал!), запыхавшись, выходя на Памирскую автомагистраль М-41.

Иван, получив уведомление о переводе денег, и я, соответственно проследивший движение по счетам, продублировали сообщения интернет-банкинга через контрагентов, пожали руки и молча разошлись. Он – готовиться к проезду границы, я в степь. Люди Кряка выйдут на первой же остановке в Узбекистане. Оружие, растворившееся в безграничных тайниках передвижной тюрьмы, – на майоре.

Украденное золото Вавилона, пролетев и объехав полмира, возвращалось домой, принеся нам (и нам тоже!) первую шестерку нолей. Что-то это чертовски-пронзительно напоминало.

> …Дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа, зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, переданной вам от отцов, но драгоценною Кровью Христа, как непорочного и чистого Агнца… (из Евангелия)

4

Подполковник Ясенев сидел прямо, не шевелясь, перед дверью в кабинет начальника следственного управления. Просторную, светлую приемную генерала от безумно-весеннего московского солнца отделяло огромное, в рост, окно. С высоты четвертого этажа знаменитого на весь мир серого здания в центре столицы взгляд Александра Петровича проваливался в ярко-жгучую бесконечность. Он щурился. Хотелось улыбнуться. «Четырнадцать миллионов. Евро…» – Перед ним, спиной к солнечному потоку, восседала Марь-Иванна, секретарь генерала, симпатичная добрая женщина, аккуратно выстукивающая клавиатурой документы на подпись:

– Проходите, Александр Петрович.

– Спасибо. – Шеф встал, открыл дверь: – Здравия желаю, товарищ…

Разговор подходил к концу. Доклад произведен, первостепенные детали с руководством уточнили, дальнейшее направление работы обсудили. Беседовали в основном об операции по пресечению наркотрафика через Украину: не все там прошло гладко: жаль, не довели ниточку раскрытия до России, но… все понятно, могли потерять киевский конец. Сейчас в незалежной следственная группа, «важняки», вот закончим – и за местных возьмемся, тем более оптовики уже в разработке, а розницу всегда успеем прихлопнуть.

Тут автору не помешало бы вставить: «Генерал, сомкнув густые брови, пристально посмотрел на собеседника», но увы, подполковник Ясенев ни взглядом, ни намеком на подобострастность не располагал к откровенности, либо какой-то недоговоренности.

Генерал:

– Да, кстати! Информация об исчезнувшем в Украине криминальном золоте подтверждается?

– Никак нет, товарищ генерал-майор!

– Там без «наших» не обошлось. – Повернувшись к окну, начальство задержало задумчивый взор на прозрачной синеве неба.

Шеф, по-армейски подтянутый, в гражданском костюме, вышел из управления, поспешил на стоянку такси. Все указания оперативным группам прикрытия, захвата, дислоцированных в Узбекистане, сделаны – они уже движутся в назначенный квадрат. Остальное – дома по «электронке». В дипломате он нес разрешение на проведение заключительной фазы секретной операции по выявлению коррупционных связей среднеазиатских военных с боевиками.

Секунда на подходе к Термезу. Золото у старого сутенера Башмака (для Секунды – Ивана). Сколько сил отдано, чтобы вытащить эту осторожную крысу с теплого берега Флориды. Только нереальный выхлоп с продажи сокровищ Александра Македонского через обмен на оружие заставили поднять толстую задницу в прошлом арестанта-авторитета, «смотрящего» по зоне, а по совместительству осведомителя опера Ясенева, подсобившего впоследствии Башмаку свалить из России и безбедно устроиться на тихоокеанском побережье. «Всему свое время – пришла и твоя очередь ответить за базар!» – как говаривал в лагерную бытность Секунда незадолго до освобождения.

– Двести долларов! – румяные щеки над пухленькими губками приветливо заманивали клиента.

– Сколько? – переспросил Шеф замерзшую девчушку в соответствующем профессии антураже, промышлявшую тут же, в зоне видимости видеокамер при входе в управление.

– Сто пятьдесят!

– Сто пятьдесят? Х-ха!.. Долларов? Сэ-шэ-а! – Шеф хохотал, бодро влезая в машину.

Проститутка удивленно проводила такси взглядом, зябко ежась и доставая из сумочки сигареты в ожидании следующего высокопоставленного клиента.

Начальник «столыпина» дал отмашку – пограничники, привычно облазив поезд, постучав прикладами по стенам вагонов, стали потихоньку отползать. Все было обговорено заранее – руководство заставы не стало звать майора на чашку чаю, а то и чего покрепче, – пассажир майора спешил в Термез. «Попьем на обратном пути часа через четыре». – Капитан Чалый, командир погранотряда, смотрел на происходящее сверху с третьего этажа кирпичного здания пропускного железнодорожного пункта: солдаты вяло прохаживались вдоль вагонов. Начсостава сказал: в этот раз едет порожним, без товара, везет важного человека с охраной, имеющееся у бойцов оружие зарегистрировано. Смысл поездки – в документах, которые важный человек должен доставить черт его знает куда, так что вроде как все чисто, но оплата повышенная! – это радовало Чалого. Волновало другое: утром пришел высокий приказ с кодом контрразведки («Ну, это полбеды…»), чтобы через двадцать километров после пересечения узбекской части границы увести «столыпин» по развилке в тупик, дабы пропустить внеплановый встречный товарняк с каким-то секретным грузом. Будто бы ничего страшного: сплошь и рядом этакая фигня – смена направлений, но… После получения электронного уведомления ему перезвонил замначальника разведуправления, родственник по линии жены, и предупредил, будучи в курсе их приятельских с майором отношений, – ни в коем случае не говорить тому об остановке. «Ч-черт!» – Что-то было в этом, мягко сказать, неприятное. Может упрекнуть потом майор-то: «Деньги берешь, почему не сказал?»

Капитан засуетился, вспотел, занервничал, прошелся туда-сюда по кабинету: «Вон поезд. Иди и поговори! – Открыл уютный барчик, звякнул посудой, крякнул: – А-ах!.. Скажу, не знал, и все». – Еще раз крякнул – настойка слабенькая, сладкая… – «Как-никак контрразведка. Делов-то: в тупичок заехать на полчасика. Передашь ему – он потом брякнет где-нибудь не по адресу, а там, во встречном, ракеты стратегического назначения в обход России тащат (слышал он и об американцах, и о немцах в Узбекистане) – нет, нельзя говорить. И ничего в этом неприятного нет. Наоборот, я тебя, дурака, спасал! – оправдываясь, капитан влил внутрь себя последнюю, расставившую по местам нестыковки, рюмку. – Меньше будешь знать…»

Поезд тронулся…

Иван по прозвищу Башмак не то чтобы не доверял Ясеневу, бизнес есть бизнес, повод для сомнений всегда найдется, но повязаны-то они ой-ой-ой как! – одной веревочкой: Ясенев получает огромные, нереально крупные комиссионные за эту сделку, все просчитано, застраховано-перестраховано десятки раз, каждый отвечает за другого шкурой. Еще неизвестно, кто больше пострадает, случись что непредвиденное. Документы у Ивана чистые, легенда как по писаному, не в розыске. Подполковнику же, если что – кирдык, трибунал, одно только «но»… Должок. По той прошлой жизни, по зоне; долг, не измеряемый деньгами, только самой жизнью.

Вор Башмак, середина девяностых

В барак зашел Гвоздь, авторитет-положенец, завел «терпилу»:

– Слышь, Башмак, разобраться надо!

Сергей Башаров, смотрящий по пятой «строгой» зоне, слышал о произошедшем:

– Говори, – обратился он к вошедшему мужичку – невысокому, плотному, с лицом, как блин со сковороды. Мясистый нос, пообвядший в неволе, приобретал, наверное, малиновый оттенок там, в родном колхозе… Мужик смотрел на Вора́, как на икону, с надеждой – видно было, последней. В бараке никого, кроме них.

– Сергей Василич… Мне год остался. Натерпелся я. Полтинник скоро… я ж не мальчик…

– Короче, – Башмак частенько что-то утирал, разруливал – правильные, справедливые решения укрепляли авторитет Вора, неправильных решений не было. Зона под Новосибирском с крепким, несгибаемым «черным» лидером, держащим общак под контролем, устраивала всех: и администрацию лагеря, и районное начальство – у них своих, вольных проблем тогда, в середине девяностых, не перечесть. Случалось, не то что зэкам – служащим ИТУ пожрать не доставалось.

Башмак знал, о чем речь… Шурик, из «стремящихся», правильный пацан, зашел в лагерь по тяжелой групповой статье; сидит недавно, молодой, жесткий. Слишком… По научному – получал с чертей, по-простому – грабил мужицкий барак, пытаясь закрепить его за собой: чтобы жить не тужить, да чифирёк мутить-шмутить. – «Твою мать! Перестарался!»

– Как звать?

– Балык… Балыкин я.

– Зачем до кума пошел?

…Двадцатидвухлетний Шурик выбрал верную дорогу. Рослый, костистый, возмужавший в уличных драках, он не признавал авторитетов, греб под себя все, что плохо лежит. Сразу сошелся (пришлось сойтись) с Гвоздем, человеком Башмака, так что был под присмотром.

Мужички – они разные. Шурик этой разницы не чувствовал – рубил направо и налево чуть что. Так и тут: успокойся, возьми паузу, дай человеку в себя прийти – мы ж на зоне, никуда работяга не денется, а если правильно подвести тему[2], так и сам приползет. И будет потом ходить как пришитый.

Этот, Балык – уперся, пошел в отмах: Шурик передавил, морально передавил. Мужиков наказывают за драки и, как правило, они уступают под напором блатных – духу не хватает. Тем, блатным, терять вроде как нечего («вроде как» всего лишь) и, раз прогнувшись, простые сидельцы попадают до конца срока кто в рабство, кто в гарем, кто просто на подиподай… Шныри, уборщики, кони – все они помимо своей положняковой трудовой нормы выполняют чью-то чужую…

– Эт не я. Меня сержант приволок к куму-то…

– И че?

– Кум говорит типа: пиши заяву.

– Написал?

– Нет!

– Чешешь?![3]

– Гадом буду…

– А как от кума соскочил?

– Я бригадира сдал, Шершня. Мол, он водяру продает, а меня подставляет – вроде как мой канал. Да, я получаю грев[4], жена – главбухом в совхозе, но мне же год. – Походило на правду. Шершень – морда беспредельная, жил кучеряво, стучал по ходу (но… не доказано! – не пойман). Башмак бригадира не трогал – свое Вор с него имел, да и Шершень не возбухал, чуял грань, где можно, а где нет. – Только нельзя мне, Сергей Василич… чтоб узнал-то он… сгноит.

Мужик этот, лох-лохом, а выбрал из двух зол меньшее – Шурика не спалил. Не факт, конечно, но того не спросишь – получил десять суток ШИЗО так, для приличия. Не впервой,

[2] Подвести тему (жарг.) – обдумать, как грамотнее поступить.

[3] Чешешь (жарг.) – врешь.

[4] Грев (жарг.) – посылки с едой, куревом.

злей будет. Мужику – год до воли, перекосы не нужны, и так бы не кочевряжился. А сейчас он между молотом и наковальней: Шурик не отступит от сказанного, не по-пацански, от Шершня, коли чего пронюхает, жди беды.

В глазах пришедшего на разбор – мольба, надежда, растерянность:

– Он бить меня начал… Я упал, крикнул другана Серегу, а он меня, блатной-то, пидаром назвал… при всех!

Вор и про это слышал: затем мужик, как ошпаренный бросился на Шурика, началась дикая неразбериха, свалка, в барак залетел сержант-контролер, второй… Напоследок Шурик прилюдно пообещал опустить несчастного Балыка. Драчуна – на ШИЗО, «терпилу» – к куму.

– Оперу сказал, что блатные у меня водку просили, а я типа говорю, откуда она у меня, водка-то? Сдал Шершня… Сергей Васи… – Лицо-блин сморщилось: безысходность сползающими морщинами превратилась в маску горя. Рассказывая, все вспоминая, Балык вдруг ясно ощутил, как безвозвратно удаляется трепетно нарисованная им в воображении развеселая картинка возвращения домой. Башмак отпустил терпилу, дал указания…

* * *

Дверь карцера открылась, вошел кум. При других обстоятельствах они и не встречались – субординация: Вор есть Вор, никаких контактов с красными. Положение обязывало бы, если б не нужда. А нужда была – это понимали оба: капитан Ясенев, начальник оперативной части, и вор-рецидивист Башмак.

– Здорово живешь, гражданин начальник.

Подполковник Ясенев

«Так. Секунда на подходе к Термезу. Золото у старого сутенера Башмака. Деньги получены. Денег много! Украина… хм. Всего не просчитать в этой жизни. Тот, кто принимал участие в операции на нашей стороне, будет молчать, ему хватит до конца дней. Кто не за нас…» – Подполковник, приехав домой, подключился к среднеазиатскому интерфейсу. На линии пять каналов: Секунда, Башмак, Термез и две оперативные группы. Это только в Азии. Вдоль стены кабинета, друг за другом – американский, ближневосточный, китайский сервера.

В принципе, деньги ему не нужны… ему лично! – но они нужны всем, кто окружает общество, созданное потом и кровью: кому за молчание, должность, кому за большие звезды. Организация несет немалые затраты. Никто не владеет информацией более, чем требуется выполнению конкретного задания. Основная часть работы прикрыта официальными федеральными программами, к примеру, азиатская программа досконально скоординирована с разведуправлением.

Рутина… Ежедневная рутина перестает быть невыносимой при пересечении с изощренным преступным умыслом. «До поры до времени, конечно». – Он прекрасно понимал, рано или поздно придется резать по живому, жертвуя кем-то во имя собственного спасения. Единственный, кто более-менее полно владеет доступом к общей карте происходящего – Колька-Секунда.

«Секунда… – Александр Петрович задумался. Без малого пятнадцать лет назад Ясенев с Колькой взялись разрабатывать свой замысел. – С ним начинал, с ним и закончим, – он потер веки, снимая напряжение. – Им и закончим, точнее. А деньги?» – Деньги не нужны подполковнику лично, они нужны всепоглощающему чудищу под названием Смерть – смерть всем, кто не вписывался в регламент происходящего в голове Ясенева криминального процесса. Начав формироваться в давние морозно-лагерные сибирские времена, идея по извлечению денег из всего, что связано с предательством и подставами, обернулась в хитроумного монстра в обличье офицера российских спецслужб.

Секунда

Потрепанная Ауди медленно вползла на мост: пограничный переход. Бомбила и я достали документы – солдат подошел к водителю:

– Здравствуйте. Пассажир?

– Да… Туда-обратно… Термез. – Небритый водила заглушил двигатель, медленно, тяжело толкнув дверь – солнце припекало не на шутку, денек обещал быть жарким.

– Багажник откройте.

На мосту небольшая очередь. Десять часов утра. Двое из трех погранцов, проводив впередистоящую тачку, лениво подошли к распахнувшемуся окну будки-таможни – кто-то их позвал. Появился капитан. Кинул пару слов солдатам. За спиной хлопнул багажник моего такси. В тишину врезалась разухабистая мелодия вплотную подъехавшей сзади машины. Солдаты шли в нашу сторону. Все бы ничего, если бы за ними не двигался капитан. Офицер – парень молодой; его подводил взгляд: во взгляде читалась проблема, которую он не мог решить. Излишне напряжен. Осталось метров пять.

«Что-то тут…» – Я знаю это движение наизусть – слишком медленно! – пальцами правой руки капитан нервно расстегивал кобуру… Люк Бессон слепил бы из этой сцены очередной шедевральный кинокадр, я – спокойно открыл пассажирскую дверь.

* * *

– Что будешь делать? – спросил без предисловий Кум, капитан Ясенев, перешагнув порог карцера.

Башмак покашлял, поерзал, пострелял глазами так, для приличия.

– Кури, – опер протянул «Приму»… – Мне дисциплина нужна. Проверка скоро.

Пустые слова. Оба понимали, что к чему: без авторитета нет дисциплины, без правильных, пусть жестких, жестоких решений нет авторитета:

– Дай еще парочку про запас.

– Не положено, – капитан встал со шконаря, молча отдал Башмаку всю пачку, только начатую. – Чтоб ни-ни. – Взгляд-вопрос получил утвердительный взгляд-ответ. Затем – неизменный сухой кашель, означавший полный контроль над ситуацией. Кум вышел из камеры довольный разговором.

Через неделю что-то там случилось на промке, какая-то херня упала, соскочила, сорвалась – под каким-то шкворнем случайно оказался бедолага Балык – Федька Балыкин, вот ведь, чума! – год оставался мужику. Все было оформлено официально – производственная травма, не совместимая с жизнью. «Вот, чума! Не повезло».

* * *

Башмак, с трудом перенося тяготы калифорнийского морского зноя, частенько вспоминал покойничка Балыка и еще нескольких таких же простых каторжан-сидельцев, так – за здорово живешь, товарищ Вор, железной рукой укрепляющий дисциплину, равную пачке кумовской «Примы»! – отдавших свои пропащие жизни там, в лагере. Здесь же, на американском побережье, он приторговывал девочками – русскими, украинками. Отвечал, так сказать, за местный сегмент рынка. Получал «товар» и отправлял его дальше за территорию штата Флорида: работенка не пыльная, система работала по принципу конвейера – разные сборочные блоки не контактировали меж собой. Так бы и дальше.

Шеф позванивал, давал указания. Но сердце ёкнуло именно в этот раз. Екнуло и не отпускало всю дорогу – сначала в Россию, потом в Азию. Ощущение беды не отвязывалось

– где, откуда? Кто бы знал, но!.. – слишком четко была выверена, отработана операция с золотом. Чересчур хорошие деньги она сулила, чрезмерно хорошие! Так думал Сергей Васильевич Башаров, в лагерную бытность Вор, на сегодняшний день Иван, пересекая таджикско-узбекскую границу в отбитом у боевиков «столыпине».

Секунда

Люк Бессон был бы разочарован: очередной шедевральный триллер под названием «Амударья в крови» закончился, не начавшись. В наручниках, под прицелом автоматчиков, меня сопроводили в местную каталажку, не объяснив причины задержания. В запасе оставался час. «Включенный» мозг напряженно искал выход – нет! – вычислял малейшую возможность изменить сложившуюся ситуацию.

Я сидел на бетонной лавке типичного совдеповского обезьянника с закованными спереди руками без возможности что-либо предпринять и попросить. Тоскливое осознание невыполненной работы вгоняло в безысходность. Тихо… Подошел к решетке, вслушиваясь, стараясь уловить звуки, долетавшие до моего склепа. Обзор ограничивался поворотами каменного мешка-коридора – влево-вправо по два метра. Тюрьма находилась обособленно от служебных помещений погранзаставы – их соединял переход метров в десять – успел отметить, когда заворачивали сюда с конвоем через бронированную дверь со двора.

Кажется, шаги! Я расстегнул ширинку брюк, вплотную прижавшись к прутьям.

* * *

Двадцать пять минут назад Секунда должен был дать сигнал о проходе границы. ЧП, однозначно! «Столыпин» полчаса как в тупике, якобы пропуская встречный. Остановка была задумана для последней передышки перед началом заключительной стадии операции, а также на всякий вездесущий, вечно вползающий в нашу земную жизнь всемогущий Случай. Вот и он!

Люди Шефа в составе боевого расчета прибывшего спецназа уже на пути к Термезу. Грузовик Федеральной службы безопасности подобрал их в трех километрах от места высадки с «золотого поезда». Все по плану, только нет известий от Секунды. «Ждем десять минут! Где ж твой мобильник, брат?!» – Из всех Ясеневских людей только Секунда знал точное расположение спрятанных ящиков с золотом, на него одного выписаны документы в обратную дорогу. Дублер у Секунды, конечно, был: официально, с предписанием, но он ожидал возвращения состава на таджикской стороне в кабинете капитана Чалого – физически невозможно состряпать бумаги на большее количество народу, к тому же часть которого нужно успеть проинструктировать с двойной, тройной возможностью исхода событий…

Подполковник Ясенев с нетерпеливым раздражением сверлил взглядом телефон: «Одна кнопка, черт возьми! Куда ж ты дел мобильник, брат?!»

* * *

Мой «включенный» мозг: «Задержание не связано с чем-то серьезным. Какая-нибудь мелочь, не более! Проколов не было, утечки – ноль. Иван? У него под ногами миллионы долларов – что ему до меня! Та-ак… Солдаты, конвоировавшие меня – срочники, это видно. Если идут они…» – В гулкий пол коридора уперлась тугая струя – я не отливал с самого утра. Шаги приближались. Кажется, он один! Не таясь, подбавил газку. Послышались незнакомые слова, понятные без перевода.

Руки в браслетах – внизу, держат «прибор», лбом я упирался в промежуток между прутьями, заманчиво так упирался… Появившись из-за угла, боец-срочник, ругаясь, развернул

автомат прикладом вперед и, стараясь попасть в неширокое пространство, нанес мне удар в голову. Он не сразу понял, почему не может достать оружие – что-то заело: уклонившись от удара, я заблокировал приклад цепью наручников, резко дернул, схватил за цевьё и вновь рванул на себя. Мгновение – опешивший солдат увидел, что предохранитель уже снят и дуло акээма смотрит ему же между глаз:

– Ключи от камеры, чурка, быстро!

В ответ, заикаясь:

– Нэ-э-ту! Н-н-эту ключ!

* * *

«Та-ак… – Шеф, подполковник Ясенев, привык решать невыполнимые задачи. По первоначальному замыслу Секунда должен был припрятать оплаченный Иваном груз в приграничном с Афганом терминале на Амударье. Но Секунда молчит. – Что делать? Придется менять план. Меняем всё!»

5

Иван сидел в купе майора и нервно курил одну за другой. Остановка поезда – обычное дело, хоть и незапланированное, как утешал командир, – граница все-таки!.. Уверенность майора внушала какое-то доверие. Очевидно, тот знал о грузе, но не догадывался о его содержимом, зачем ему? Волшебная сила высокопоставленного Шефа не вызывала никаких сомнений, мутили-шмутили с Ясеневым не первый год, а что до заезда в тупик, так этого не ведал даже старый прожженный товарищ и компаньон Чалый, начальник пропускного пункта, запросивший остановку после прохода таджикско-узбекской границы, – куда уж тут. Значит, так надо.

Рассуждения командира «золотого состава» были понятны Ивану-Башмаку, его тревожило другое обстоятельство – они с Шефом злополучную стоянку, длящуюся уже сорок минут, не обговаривали. Однако понимал и обратную, закулисную сторону операции: если что-то идет не так, Ясенев в курсе и наверняка решает проблему. А думать о худшем – к чему? Бывший Вор и Узбекистан-то выбрал для пущей подстраховки – только она, страховка-то, вся в Термезе, блин. Поезд тронулся. Майора в купе не было.

Секунда

Держа таджикского вояку на прицеле, я рявкнул:

– От наручников! – Он протянул ключ от браслетов. – Зови начальника! Иди… Сюда его, чурка, сюда!

Вжался наизготовку между задней стеной камеры и шершаво-каменной шконкой-выступом: прицельным огнем они, ясное дело, меня завалят, но какое-то время продержусь, должен продержаться… Откуда пойдут – слева, справа? Уши вдруг заложило – взревела тревожная сирена. Куда ж без нее? Праздник начался, жаль салюта не видно. Я ждал.

Что-то долго. Где-то вдалеке, внутри погранзаставы шум, гвалт, крики! Да-а, они серьезно готовятся к атаке. По ходу, мирных переговоров не получится, на что втайне надеялся. Ситуация безвыходная: я собирался озвучить код доступа третьей категории, чтобы их начальство позвонило в Москву – убедилось, что взяли не того. Бред, конечно, – мог вспыхнуть шпионский скандал, но я бы хоть на виду был, а не валялся дохлым здесь, в помойке. Проверил обойму – полная.

* * *

Иван глянул в окно – медленно, метр за метром, поезд давал задний ход. Все понятно! – выезжаем из тупика на основной путь. Он глубоко вздохнул, выдохнул резко, с явным облегчением: «Наконец-то!» – До станции километров сорок, не больше. Там ждут.

Снова остановились: «Нормально, сейчас должны двинуть вперед. – Поезд гремел сцепками. Башмак достал пистолет, автоматически, по привычке проверил наличие патронов, щелкнул затвором, поставил на предохранитель. Во время стоянки опять пришлось вооружиться и занять оборонительные позиции в вагонах состава. – Надо будет вновь всё спрятать перед Термезом». – Крякнув, хлопнув рукой себя по колену, он встал, взялся за ручку двери, собираясь выйти в коридор.

Взрыв!

Слева, справа! Еще, еще!!!

Башмака выбросило в проход, заполненный фантастически яркой, фосфоресцирующей, смертельно ядовитой смесью, ослепившей, оглушившей его, убившей.

* * *

– Султан, что там у вас?

– Нападение на «столыпин», жертвы…

– Версия?

– Оружие. Нападавшие, видимо, взяли, что хотели. Состав уже тащим в Душанбе, капитан Спирин принял его у Чалого на границе. Одновременно в Термезе разоружили бригаду боевиков с транспортом, они ждали товар, который вез «столыпин». Проворные ребятки оказались, пришлось пострелять, есть раненые.

– Поезд?

– Плохо там, – замначальника среднеазиатского ГРУ тяжело дышал в трубку, – машинист с помощником дают показания, пара бойцов-перевозчиков еле дышит, они в больничке под присмотром. Солдаты сопровождения убиты, майора, начальника поезда, не нашли пока…

– А этот… главшпан контрабандистов? – голос Шефа ни на йоту не выдавал волнения. – Есть сведения, кто-то, мол, из серьезных?

– А-а… Так тоже – в розыск. Никаких данных по нему, исчез… Или среди обгоревших трупов найдется, опознание покажет.

– Да, у меня там человек на третьей заставе под арестом – это из прикрытия, шел на Термез…

– В курсе. Майор, начсостава, сдал его погранцам на Амударье – смекнул, видимо, что спалился с оружием – хотел по-родственному сгноить твоего человечка после сделки с бандюгами. Ф-фу-у… начнут сейчас шерстить! А разведчик твой домой уже чешет, в гостиницу «Душанбе». Странный какой-то. Чуть войнушку не устроил на заставе.

– Работа такая!

– Мог и остаться там… навсегда.

– Работа такая. – Ясенев положил трубку.

Секунда

Дождался… Движение – в левом крыле коридора. Навстречу звуку я переметнулся к правой стене в готовности отразить атаку. Упор в колено, мушка прицела в ожидании цели, где они? Звук упавшей гранаты рядом, под решеткой, всё! – я, не меняя позы, закрыл глаза.

– Подполковник Ясенев подтверждает ваш код доступа номер. Оружие на пол! Встать, лицом к стене, руки держите перед собой, мы заходим.

Учебная лимонка остановилась между прутьями, отделяющими мою несвободу от, пусть нещадно палящего, но вольного июньского солнца!

Провожал меня тот же, кто арестовывал – начальник погранпункта, молодой русский капитан. За десять минут, пока шли к остановке автобуса, он поведал мне о своем отце-военном, женившимся на таджичке, о своей семье и судьбе, пустившей корни в эту землю. За его словами я уловил невысказанное сожаление – его тянуло туда, где не легче, но понятнее… Он рассказывал о наболевшем, я же думал о насущном:

– Что в Термезе?

Капитан сделал паузу, переключаясь на повседневность:

– Там обезвредили банду, промышлявшую оружием. Бандиты ждали поезд с Таджикистана, документы подготовлены на проход границы в Афган. Говорят, стрельба была. Брали их жестко.

– А поезд?

– Тебе повезло – вовремя соскочил со «столыпина»! Сдал тебя комсостава, майор, он что-то прочухал, смекнул, что спалился с контрабандой и со страху попросил придержать тебя до поры под запором – он родня мне по отцу… По ходу, взяли его свои же после границы.

– Кто?

– Боевики «движения Узбекистана» – там у них армия, капитально все…

– Откуда знаешь?

– Так уже звонили сверху – начнут теперь чистить. Да я его, майора-то, всегда недолюбливал, скользкий он, насквозь скользкий. Давно по лезвию. Вон, автобус твой пришел! Давай, разведка, мож, свидимся! – Мы добрели до остановки.

– Что значит «свои же»? – Я запрыгнул на подножку.

– Да это к слову. Оттуда не возвращаются.

Я смотрел в окно автобуса, медленно, подбирая с трассы голосующих, ползущего в Душанбе: «Эх, Санька, Санька! Видно, тебе не выйти из игры. Не выйти и мне без твоей помощи. Что было бы в Термезе, если б не алчный майор, что с «духами» сотрудничал? Майор пошел ва-банк? Он что – открыл спрятанные ящики? И как Шеф предполагал забрать золото из «столыпина», коли в Термезе груз ждала вооруженная шайка?»

Ответов не будет. «Что произошло? Подстава? Кто её устроил, и почему в таком случае меня вызволили из тюрьмы? Или все это звенья одной цепи? Тогда какого лешего я не в курсе, и кто тогда вообще в курсе, черт побери?!»

Значит, Шеф предусмотрел и такую возможность развития событий.

Предусмотрел ли он, что я выживу?

Нет ответа.

Да-а… Сила мысли не имеет преград.

Сила денег не боится преград!

Сила Золота – беспредельна и непорочна, как непорочен в нашем мире Беспредел, раковой опухолью накрывший реальность большими Деньгами, нереально большими.

– Здравия желаю, товарищ…

– Заходи, Ясенев!

Генерал, сомкнув густые брови, пристально смотрел на подполковника:

– Задействовал ГРУ?

– Так точно, товарищ генерал-майор.

– Зачем?

– Я бы не успел так быстро получить доступ на проход границы – слишком много людей в деле. Да и Султана давно…

– В курсе, знаешь… Зачем подключил Узбекистан – там проблемы сейчас у меня. Людей потеряли, Термез на уши подняли! Султана, считай, засветили, ради чего? В итоге приказ свернуть программу. Что имеем: банду с пустыми грузовиками, кучу трупов в чужой стране, посредника-майора, начсостава, пропавшего черт его знает куда. Там ведь американцы стоят. Начнутся вопли. Чьи интересы мы представляли: России? Ни фактов, ни хрена! Где коррупция, где оружие?!

Александр Петрович изучил генеральскую привычку нагнетать напряженность, поэтому смотрел тому прямо в глаза, не давая повода уличить себя в слабости.

– Да!.. И что там за спецагенты с третьим уровнем секретности, воюющие с пограничниками?

Перевести в шутку, чтоб не зацепился:

– Это из четвертого Управления… С нашей помощью вышел непосредственно на покупателя оружия. Так сказать, «бомба изнутри» подразумевалась. Только говорят, его самого гранатой останавливали, учебной…

– Может, зря учебной-то? У кого из «четверки» он?

– Това-а-рищ генерал!

– Тьфу ты… заладил: генерал, генерал… Что делать будешь?

– Заканчиваю рапорт. Завтра доложу по форме: зацепок много, схема противоправной деятельности, в принципе, вырисовывается. Жаль сворачиваться, спору нет… Султана Валеевича постараюсь вывести из-под удара – так, косвенный контакт, братская помощь, взаимная вежливость – я укажу все. Помните, в прошлом году, дабы обезопасить, экстрадировали в Таджикистан замминистра по-тихому?

– Давай! Завтра меня не будет – оставишь все у секретаря. Вызывают в Кремль: что-то там на Украине всплыло. Освобожусь, сразу вызову. Свободен!

– Слушаюсь! – Что может всплыть в Украине – одному Богу известно. И Ясеневу. И Секунде.

Бесполезное дело: пытаться заснуть после столь напряженных событий. Освежившись в душе, я вышел в город из отеля «Душанбе», заодним захватив документы и сумку с нехитрыми пожитками. Вышел, чтобы навсегда исчезнуть для окружающих.

Светло для ночи – завернул к центральному парку отдыха, ожидавшего шумных дневных гостей зазывными зонтиками, цветастыми шатрами, лодками на озере, весело постукивающими друг дружку бортами. Курс держал на железнодорожную станцию – там я должен был найти поезд со спрятанными в нем сокровищами и принять окончательное решение насчет дальнейших действий.

6

Капитан Ясенев, девяностые годы

Не собирался ни думать, ни рассуждать на щекотливую тему – так все получилось… Катя находилась в заключении года два. «Катя…» – Проводя построения отрядов, не хотел смотреть в ее сторону, но время шло, и это случилось.

Неудивительно, что тюрьма, неволя сближает и заключенных, и ментов. Злость – всеядная, бескомпромиссная, рано или поздно кончается и все становится проще. Как поется в песне: «Для тебя там, браток, за колючим забором – свобода, для меня там, браток, за колючим забором – тюрьма».

Женский барак в лагере строгого режима под Новосибирском был всего один. В девяностые годы до женской колонии у регионального руководства руки не доходили – как таковая числилась, но лучше бы ее не было вовсе, настолько сильно требовался ремонт; поэтому попасть в соседний лагерь под оперативное управление молодого, симпатичного кума – капитана Ясенева, считалось у сидельцев слабого пола удачей: кормежка, обувка, какая-никакая работенка. Не то чтобы уж совсем образцово-показательная, но порядок в зоне присутствовал, что признавалось всеми.

Не стало вот только порядку в молодой еще душе капитана – он влюбился и боялся себе в этом признаться. Чудно как-то получалось: настоящего друга, Кольку-Секунду, он также приобрел среди арестантов. Невероятно, но когда узнал, что его отца насмерть прибил кулаками именно Колька, капитан Ясенев воспринял известие внешне спокойно. С того момента и началось у него реальное, как ему казалось, понимание, что происходит в жизни случайно, а что – нет.

Понимание довольно странное: судьба не должна зависеть от непредвиденного – к примеру, шаг, дуновение ветра или дождь не могут кардинально повлиять на всю оставшуюся жизнь, так он думал. Происходящие же далее события убедили в обратном: невозможно отбрасывать Случай, который предопределил любовь, превратил потенциального врага в друга… смерть – в жизнь за гранью. Потом он сделал очень важный вывод: если ты, в принципе, невольный раб обстоятельств, то при определенном давлении можно эти обстоятельства менять и предопределять. Никакой метафизики – как говаривал тот же Секунда… только менять – в своих, исключительно своих интересах! Кто добровольно захочет стать жертвой? Никто! Но потенциально все мы жертвы… Чуть подтолкнуть – и ты там, за гранью добра и зла, там, куда исподволь направил тебя человек, всецело владеющий фигурками на шахматной доске жизни.

Показал Катюху Секунде. Невысокая, миниатюрная, очень опрятная девушка, простая. На что так запал? Секунда объяснил по-своему: все мы, находясь в состоянии, граничащим с непрерывным стрессом – волки и овцы – стремимся обрести дом, покой, пусть маленький, всего лишь на одной восьмой части души, но туда нет входа посторонним – это не барак, это дом. Так и было с Катюхой: внешне неприметная, она стала для капитана воплощением несмирившегося духа, который еще ой-ой как себя проявит – дай волю, брат. Ясенев увидел, почувствовал в ней дремлющую Любовь, втюрился, как школьник! Что он искал – нравственного отдохновения?

Секунда

В «столыпине» горел свет. Пять утра: внутри не спят. «Охрана, наверное». – Нашел «золотой поезд» там же, откуда забирал его два дня назад. Вывод: кипиша по мою душу пока не было, иначе Шеф перепрятал бы вагон с ящиками или уж точно обложил его заградотрядом.

С отеля забрал не все вещи – оставил пару шмоток и ноутбук для проформы – показать, что вернусь, ежели обнаружится слежка, хотя уходил-то насовсем, вроде бы. Они сразу хватятся, если не отвечу на вызов по утренней электронной почте, надо ведь давать отчет о внезапном тюремном заключении на границе. Решимость, полностью владевшая мной еще пару часов назад, вроде как улетучивалась. Непонятное состояние, честно сказать. Долго ли протяну на нелегальном положении, коль пришло время распрощаться с Ясеневым: Афган, Казахстан, Иностранный легион? Если Россия, то подполье – выжидать – сколько: год, два? Федеральный розыск, Интерпол – все на стороне Шефа, пока того не обезвредить… Нужно принять решение.

– Привет! – Перед носом из ниоткуда возник Серега Корякин, недавний напарник. Я вряд ли испугался:

– Следишь?

– Сопровождаю – извини, приказ.

– Кто в вагоне?

– Капитан Спирин, он принял состав на таджикской стороне…

– Ваш человек?

– Группа захвата.

– Мой дублер? – Говорили шепотом.

– Так ты ж у нас Бэтмен! Улетишь, где искать?

– Не Бэтмен, а Супермен! – Я понял, особых указаний по мне, кроме как безобидно проследить, у Сереги не было. – Буди Спирина! Пусть ставит чайник.

– Звоню… – Спецназовец набирал номер: – Спирин, подъем!

Все вставало на свои места: «Рано в Иностранный легион-то». – Сидели в купе, где еще сутки назад верховодил маслолиций майор, изображающий ожесточенное сопротивление боевикам-подельникам. Втроем – я, Корякин и Спирин, мы сводили воедино части замысловатой мозаики произошедшего в Узбекистане. Поразила грамотная работа боевиков: личный состав «столыпина» практически уничтожен, начальства с товаром – след простыл. Спецы сопровождения, мои собеседники, уверенно говорили о пропаже оружия как о свершившемся факте, они ж не знали про золото.

Иван был обречен при любом раскладе, это пришлось признать в свете последних событий. Если бы я подоспел вовремя к операции в Термезе, меня тоже могли ликвидировать, а скорей всего – арестовать до выяснения. До полного выяснения нужности или ненужности Шефу или… как всегда – возможность двойного исхода событий, тройного. Ведь моим заданием было забрать оплаченный Иваном груз и перепрятать.

Пили чай, мирно говорили. Золото под ногами, но это пока никого не волновало. Наступало утро, которое не раз вспомнится нам в дальнейшей жизни. Утро, когда я принял решение развернуть обстоятельства на сто восемьдесят градусов против часовой стрелки, взведенной Ясеневым. Скоро в отель на сеанс связи:

– Подбросишь?

Корякин оценил иронию:

– Какой базар? Мне случайно в ту же сторону…

Капитан Ясенев, девяностые годы

На табличке перед входом в кабинет было написано: начальник учреждения номер… майор Возженин А.А.

Хозяин.

Без его ведома ничего не происходило в лагере строгого режима.

Пресловутая вертикаль власти выпестовывалась с довоенных времен: красные и черные зоны подчинялись единому, равному для всех закону – личность должна быть

морально уничтожена, унижена, ровнехонько причесана совдеповским напильником и смачной отрыжкой выброшена в счастливую коммунистическую действительность для дальнейшего гармоничного развития. В принципе, ничего не изменилось с тех пор, разве что социалистическое руководство сменилось на капиталистическое со всеми вытекающими: к силе Власти добавилась сила Денег.

– Ты знаешь, проверка! – Капитал кивнул в ответ.

– Знаешь, аврал, чистка. Подтираем. – Вновь кивок… Майор Возженин криво усмехнулся: – Замминистра едет, черт бы его побрал!

Слушаем… «Так точно!» – Взгляд, кивок.

Ясенев работал правильно – четыре года от Хозяина не было претензий: «У вас Вор, бля?! Хотите с его помощью власть на зоне держать типа – Луис Корвалан, которого в Чили не пускают, а тут, в гулаге, гуляй себе, чилийцы! – только по периметру, бля, по периметру!.. Ну и ладушки – вот вам чай, сигареты, маленькие поблажки – и чтоб ни-ни! Влево-вправо – расстрел, лады?»

– Как там с культурной программой у тебя?

Капитана накрыло волной неясных подозрений, трансформирующихся во время разговора в пропасть осознания беды:

– Да-а… нормально вроде. Концерт готовим, выставку поделок… Территорию драммоем.

– Зимина Екатерина… расконвоированная. Она досугом занимается?

– Так точно.

– Что там у вас?

– В каком смысле, товарищ майор?

– В смысле – любовь?

Беда пришла: вот они! – два берега пропасти, прыгай или оставайся:

– При чем тут любовь, товарищ майор? Зиминой полгода осталось – я ее до суда вывел на поселение, благо что рядом.

– Тут вот какое дело… Не хотел говорить заранее. Радость не должна обгонять печаль… – Сан Саныч по-отечески обнял капитана всеприемлющим взором, не вставая из-за стола: – Мне пора, так сказать, в полковники потихоньку перебираться, да и отдых заслуженный не за горами, во-о-т… А тебе, так сказать, не снился чтоб покой, пришло время майорскую звездочку примерить! Со всеми вытекающими, ес-с-сно.

Ясенев смотрел на Хозяина в упор, даже взглядом не переходя границы дозволенного: он все понял. Возможность манипулировать людьми, их судьбами – тонкая материя, порвать которую, как целку сломать – раз плюнуть! Там, наверху, шахматная партия уже разыграна. Хозяин, безоговорочно принимая верного опричника за своего, просто облекал принятое решение в удобоваримую форму: мы же люди, в конце концов. От капитана и не требовалось ничего – только выслушать и подчиниться. Иначе… Что иначе? «Иначе» даже не подразумевалось.

– Видел я твою Зимину…

– Товарищ майор!

– Не перебивай! Может, и обойдется все. Инспекция УИН – это тебе не хухры-мухры!.. Даст концерт твоя краля, опосля посидит немножко с начальством, попляшет. У меня на примете еще парочка симпатичных имеется… Делов-то – тьфу!

На дворе метель. Февраль. Два часа ночи. Двухэтажный деревянный дом в центре лагеря – комендатура. В единственном окне второго этажа горит свет – колышется от бьющихся в стекло снежных волн. В окне мечется тень человека. Человек-тень не знает, куда деть руки – он то вскидывает их к голове, то резко бросает вниз, бьет себя по бокам, опять судорожно вздергивает кверху.

Снаружи, со двора, происходящее за окном кажется жуткой фантасмагорией – страшное чудище загнано в клетку и не может найти выход. Оно бьется головой о стекло, отходит, разбегаясь… Все это происходит без звука, слышна лишь вьюга. Только Колька-Секунда, прижавшись к обледенелой стене дома, слышит, как там, за порывами ветра, звенящими морозными окнами, давясь слезами ревет, воет от невозможности что-либо изменить его друг капитан Ясенев. Превращаясь из человека в очередную гармонично-развитую, коварную тварь.

Подполковник Ясенев

Вообще-то, у автора исчерпан лимит на «сомкнутые густые брови» генерала, начальника следственного управления. Да, тому было о чем задуматься: из-под носа уходят реликты какого-то там царя, украденные американцами во время войны в Ираке. На украинском наркотрафике бездарно палится сплошная мелочь. – «Где боссы, мафия? В Узбекистане безрезультатная бойня. Одни проколы. Боевики – да, сработали. Поганцы погранцы – сработали, им ли не корячиться за такие бабки? Что мы имеем от вложенных средств и людских резервов? Оружия нет… Нет ни золота, ни результата». – В Кремле неоднозначно дали понять: все крутится вокруг украденных сокровищ, хотя генерал с такой постановкой проблемы был не согласен, да и Ясенев, руководитель одного из подразделений, не одобрял версию с сокровищами. Генерал ему верил – за годы службы всякие бывали заминки, как без этого, но, главное, сомнений в преданности и исполнительности подполковника не возникало. В Кремле так не считали.

Александр Петрович сидел в приемной генерал-майора в ожидании вызова. Судя по паузе – что-то шло неправильно. Марь-Иванна молча колдовала с клавиатурой. Ясенев понял – приглашения не будет. Исподлобья взглянул на секретаря. Она будто почувствовала вопрошающий взор подполковника – сразу взялась за трубку, щелкнув кнопкой, кивнула услышанному, покачав головой:

– Занят… – Потом добавила: – Можно не ждать, Александр Петрович.

«Так… Так-так-так. Генерал будет отстаивать мои интересы перед руководством, – это Ясенев знал точно. – Операции просчитаны, аналитически продуманы, жертвы оправданы. Нет результата? Что ж, война… Война с коррупцией, злоупотреблениями… битва за возрождение… страны, России. Ну, с лозунгами вроде как все понятно, хм… Пришло мое время? Неужто пришло? Смертельная игра не может длиться вечно. – Подполковник медленно выходил из следственного управления. – И движет нами умысел преступный». – Всплывшие из лагерной памяти строки блатной песни как нельзя лучше выражали эмоциональное состояние: «Бояться нечего, настолько все запущено. Шутка». – Выйти из Игры не составляло особого труда, отход был подготовлен заранее. – «Люди? А что люди? Пешками жертвуем. Фигурами? Фигуры в моих руках, информация в моей голове. У остальных – обрывки снов, слов… Одно только «но». Вот этим-то «но» я и займусь в ближайшее время».

Поутру Ясенев выслал Секунде, ожидающему контакт в Душанбе, очередные указания по взаимодействию с сопровождающими его спецами во главе с Корякиным. Вызов подтвержден – агент на связи. «Вряд ли он помышляет об окончании партии – слишком сильна зависимость. Куда ему идти, в Иностранный легион? Добровольный прыжок под пресс Уголовного кодекса. Загаситься где-нибудь в СНГ? Бессмысленная затея, учитывая послужной список… Все тут ясно и без слов: его жизнь – это я, моя жизнь. Давай-ка, брат Секунда, дуй обратно в Узбекистан, подальше от бесценного вагончика, и вообще… Вместе с Кряком и чешите туда. В Душанбе сейчас шмон, проверки. Давай-давай! – на Термез, вторая попытка. А золото, что золото? Золото надо бы пригасить до времени. Там у меня в поезде Спирин. Та-а-к… Учитывая обстоятельства, ящики лучше не трогать с места. Я получил с них дважды – жадничать себе дороже. Еще лучше – помочь их «найти», и на блюдечке – к генералу.

Вот замутил так замутил! А организовал столь хитроумную заварушку с сокровищами кто? Се-кун-да! Вот он – агент влияния. Значит: сливаем лучшего друга (немного грустно), сами остаемся с вероятностью двойного исхода, тройного».

Вариант первый: Ясенев снова в деле, к тому же со звездой на погоне. Второй: Ясенев бесследно пропадает вслед за обнаруженным предателем Секундой; не исключено, что геройски гибнет в бою. Спирин («свой» сукин сын) отпишется как положено, сдаст золотишко в управление, да и себя не забудет: «Надо ввести его в курс дела».

Дважды выстрелившая нажива с политых кровью контейнеров обеспечивала беспрепятственную возможность манипулировать обстоятельствами в ту или иную сторону. Вот и нашелся ответ на мучивший долгие годы вопрос; давно, кстати, отыскался… – «Как отыскался? А как у меня выкупили мою Катьку?! Как смотрящий по зоне продавал людей за укрепление своего авторитета? А бедолага Балык, попавший под наковальню понятий, погибший ни за что – за слово! Вор Башмак – за пару злотых отхватил себе лихую смерть… Сколько их?»

Стоит ли двойная прибыль этих потерь? Оказывается – да, стоит! – вот и ответ.

Осталось одно – рассчитаться за отца. Пришло время.

7

За последним краем снег беззвучно тает – забудь…
Бьет апрель фонтаном, чтоб тебя обманом вернуть.
В тех краях тебя никто не ждет,
Новая весна тебя убьет!
(группа «Машина Времени»)

Секунда

Конец весны в Душанбе все равно что поздняя ноябрьская осень в Сибири – зима в полный рост. Так и тут – забудь надежду на майскую прохладу: безжалостное солнце наполняет северную душу тоской по песчаному речному изгибу, хранящему влажную тень.

Слон напряженно смотрел мне в глаза, не мигая. Ему без разницы – жара, холод, ему вообще ни до чего не было дела, не касающегося лично меня.

Попрощавшись с Кряком, я зашел в комнату отеля «Душанбе», сразу лоб в лоб столкнувшись с безжизненной пустотой зрачков убийцы, пожалев, что вооруженный Кряк не сопроводил меня до дверей номера. Руки Слона – на подлокотниках кресла, тело расслаблено. Оружия не видно. Он не хотел застать врасплох, хотел поговорить. Преамбула ясна: встретились солдаты противоборствующих сторон, и оба знали зачем.

– Где наше золото?

Я сказал где.

– Кто старший, сопровождение?

– Спирин, капитан спецназа. В вагоне около пяти человек.

– Кто убрал Ивана? – естественный вопрос, немного наивный.

– Говорят, Исламское движение… – На коленях Слона возник «макар» с глушителем, я чуть кивнул, оценив сноровку визави. – Меня взяли погранцы, как только вышел на трассу – майор сдал. Он понял, что мы его выкупили с нападением боевиков и решил подстраховаться – везде ж родня. Продержали на заставе до вечера… потом – сразу сюда.

– Откуда знаешь о нахождении поезда?

– Так я ж типа под прикрытием: по основной версии надлежало вычислить причастность военных к торговле краденными боекомплектами. – Врать особенно не приходилось: – На самом деле должен был распорядиться пустым составом в Термезе и сопроводить обратно в Таджикистан.

– Ты знал про нападение? – Глаза в глаза.

Момент истины.

– Нет. Когда меня приняли на третьем погранпункте, вслед послали Спирина, он же и «столыпин» принял после второго налета – вариант такой, что боевики под Термезом шли за оружием. Груз забрали, людей замочили. За вашими ящиками долго не придут, надо выждать время.

– Спирин в курсе про золото?

– Нет.

– ? – одними бровями.

– Слон, мне платят за четко выполненную работу, так же как тебе, впрочем… Мне не нужно чужого.

Он встал, поднял с пола пакет, пистолет – туда. Я предусмотрительно отошел к окну, освобождая проход, контролируя взглядом движение его рук. Спиной к двери, выждав мгновенье, равное последнему решению, Слон вышел.

Так… Чудом выживший в Узбекистане Слон подтвердил мои сомнения в «бесхозности» золотых ящичков. Не торопиться, сделать паузу – да, рациональный подход, но не для всех. Слон был настроен серьезно – я не мог не сказать адрес поезда. Это один из тех моментов жизни, когда лучше остаться бедным, но живым. И что-то мне назойливо подсказывало не сообщать Шефу о визите помощника Ивана. Бывшего помощника пропавшего Ивана.

Получил задание: вернуться на границу – необходимо подчистить концы, выяснить информированность руководства застав о произошедшем. К Чалому выехала бригада следственного управления. Нам с Кряком – на Амударью, к моему новому знакомому, капитану, начальнику третьего пропускного пункта. Впереди неблизкий путь.

Уместились в одну «буханку». Смешно, конечно, но камера «столыпина» вспоминалась мне в радужных тонах. Двинули… Во главе с Корякиным шесть человек, включая меня. Какие указания получил наш командир? Одному богу известно. И Шефу… Спирин на связи.

Меня неотступно преследовал стеклянно-безразличный взгляд Слона, предупреждающий о нашем с ним молчаливом сговоре. Почему он оставил меня жить? В контекст событий, смертельным шлейфом сопровождающим золотой груз, это не укладывалось… вовсе не укладывалось. Пойдем от обратного: якобы докладываю Ясеневу о визите Слона. Тут же усиливается охрана, поезд перегоняют в другое место. Чем объяснить подобные действия руководству: от кого прячемся? Второе: человек, знающий о вавилонских контейнерах – кость в горле, «слоновья». Доложить о его существовании, значит начать готовиться к новой незапланированной войне с неизвестным исходом, особенно для меня. Избавиться от двух козырных фигур – заманчивая партия для Шефа.

Опять же, убив меня, Слон лишался запаса времени на подготовку захвата золота.

Он неплохо просчитал ходы. Знал, что я выполню договор.

– Так точно, товарищ подполковник, проверку закончил. – Майор Корякин положил трубку. – В пятнадцать ноль-ноль общий сбор на станции Термез, пятый товароприемник. Спирин будет там, он выдвинулся одновременно с нами. Его «столыпин» на подъездных к городу.

Я и не сомневался, что Шеф захочет проверить наличие золотишка каким-то хитрым образом… Мы сидели в кабинете начальника третьей погранзаставы, весело, оживленно пили чай, отдуваясь от жары, усталости, долгой изнурительной дороги в уазике. Капитан Рамнин, приветливый, улыбающийся, симпатизировал своим гостеприимством и доброжелательностью. Видно было, поиссох он без общения с братьями по крови. Он рассказывал нам о себе, своих друзьях, оставшихся там, в далекой России начала девяностых, к тому же мы оказались на редкость благодарными слушателями. В память врезалась незамысловатая история об одном кореше капитана по прозвищу Кадет.

Начало девяностых. Кадет

Это был мерс! Двести тридцатый. Восемьдесят девятого года выпуска. Серега подкатил к разрисованному вкусной рекламой парадному. На улице меж сугробов тусили пацаны, курили. Серега не слышал возгласов, но заметил взметнувшиеся за макушки брови. Он и купил-то его, мерс, час назад ради вот этого непредсказуемого момента. Ошарашенные увиденным, чуваки звонили по мобилам (не идти же) в ресторан: «Слышь, выползай на улицу, тут – чума! – Кадет на мерсе заехал».

Гогоча, с криком, из помещения вывалила очередная толпа переростков (больше двадцати трёх-то и не было никому). Толкаясь, они окружили супертанкер: огромный, красного цвета, хромированные колпаки на дисках, гордый мерсовский шильдик-круг на капоте. Тонированное переднее стекло очень медленно опускалось: всё! – сейчас выйдет де-Ниро…

Сначала, через щёлку, из салона на волю вырвалась первая тонна терпкого дыма вместе с истошным хохотом. Потом открылись все окна – «титаник» выпустил пар, превратив

ближайшее пространство в банно-пахучий ядерный взрыв. Машина выплюнула невероятное количество людей, все вдруг стали обниматься с вновь прибывшими, ещё громче орать-смеяться. Упали в снег, за ними ещё. Смех… Добили пятки[5] – пошли вовнутрь, бросая в урны беломорины… Мерс стоял, как причалил, по диагонали, занимая все свободное пространство перед входом в кабак, оттолкнув шустрые «восьмерки», «девятки» братвы, разбросав по сторонам.

Это был праздник! Сплошной и нескончаемый. Его ежедневно праздновали новоявленные бизнесмены, вчерашние подростки, его бесконечно отмечала страна. Праздник назывался «ваучерно-челночно-водочной нищетой».

Серега Кадет, как сотни его ровесников, вообще-то, жил не тужил. Жил, скажем, в Перми. Огромный серый мегаполис начала девяностых всосал в себя кровь тысяч областных и поменьше населенных центров. Неконтролируемое кровосмешение кочующих через сердце России миллионов выплескивало нереально, фантастически красивые женские лица, но… Одетые в однотипные китайские пуховики, они все пока были на одно лицо.

Малиновый пиджак. Красный «мерин» (до черных шестисотых – недолгая жизнь целого поколения). Цепура, браслет, военная выправка (отсюда «Кадет»). Безупречный внешний вид, запах Фаренгейта – плевок в морду ваучерной демократии! Страна Малиновых Пиджаков впитывала в себя красный цвет, чтобы его хватило (хватит!) окропить тысячи бесцельно и бездарно отданных Богу (Богу ли?) жизней.

Серега мутил[6] на рынке. Под саксофон Синди Далфер[7] из громкоговорителей бывшие совки выволакивали с толкучки розенлефы, панасоники, соньки, хитачи… Стратегический центр России расплачивался со своими рублевыми невыездными рабами японской хренотенью, которую тут же тащили на барахолку. Раздолье… А еще золотишко, да пара коммерсов приторговывает шмотками, платя нешуточные проценты за взятые в долг деньги.

Казино… Юность, азартно пролетевшая сквозь карточные игры, кидки, ломку денег, два года малолетки, год на «общем» – вход в Казино показался дверью в светлый мир забытояркой детской мечты. Перерыв – только переодеться и войти в образ – сна не было уже давно, друзья поражались: «Крепок, брателла!» На заднем сиденье машины покрывало (не на коже ведь сидеть), из-под накидки – ручка пистолета (газовый, но кто понимает?). Все серьезно. Черные очки (Аль Капоне) – образ завершен. Мерс плавно движется по заснеженным улицам мимо мерзлых деревянных бараков (они кругом!); в мерсе другая жизнь, в салоне качественно звучит: «На ковре из желтых листьев». Два шага через тротуар – и ты в сказке.

В тридцать пять был полностью изможден и плохо передвигался, жил в засранной коммуналке, которую получил в обмен на трешку матери после ее смерти.

Без средств к существованию. Друзья?..

Какая-то тварь облила Серегу спиртом и подожгла.

Забытый мерс еще долго гнил в далеком дворе, скукоженный, маленький, без глаз.

В дырявом полу навсегда застряли, прикипев, остатки шприцев, много…

---

[5] Пятки (жарг.) – остатки папирос с марихуаной.

[6] Мутил (жарг.) – работал.

[7] Синди Далфер – Candy Dulfer, саксофонистка, популярная в 90х, дочь известного голландского джазового музыканта Хэнса Далфера.

8

– Ну, капитан, спасибо за угощение, нам пора – общий сбор…

– Давай, разведка! Неисповедимы пути твои. Обратно поедете – жду в гости, жена будет рада.

– Спасибо, обязательно заедем!

– Заметано, счастливо, брат!

Ясенев

Военно-транспортный самолет из Москвы, автомобиль «Волга» из Самарканда, упрямый осел, который довез до пункта назначения – Термез, окончательно доконав. «Шутка…» – Опустив из списка транспорта атрибут узбекского фольклора, подполковник, разбитый от нелегкой дороги, оставив двух прибывших с ним офицеров отдыхать в гостинице, побрел к станции. Пришлось надеть пиджак, чтобы прикрыть оружие под мышкой, куда ж без него в чужом городе? От этого становилось не просто грустно, а как-то одиноко среди разноцветной, воздушно-легкой одежки окружающих.

Секунда, Спирин, Кряк – все в сборе. Встреча по антитеррору в разведуправлении Узбекистана назначена на завтрашний день. С пацанами же разговор предстоит чисто установочный: кому куда, что к чему… «Столыпин» надо загрузить каким-нибудь хламом, и потихоньку, дней через пятнадцать, погнать его в Москву – готовить золотую сенсацию!

«Секунду – на Афган, благо это рядом, пусть наследит там, наладит контакт с моджахедами, чтоб не отмыться потом. За одним по наркоте пусть пошукает – приятель из посольства давно зазывал подзаработать… Секунде будет чем заняться. Тем легче обвинить его в организации ограбления Ивана-Башмака Исламским движением, щедро мною оплаченным…»

Спирин

В час дня «столыпин» во главе с капитаном Спириным был в Термезе. Из тупика в тупик, вперед-назад, пока подгоняли поезд к нужному складу – уже три пополудни. Отзвонился Ясеневу о своем прибытии и, получив приказ следовать в пятый ангар, направился туда.

Подполковник заканчивал диалог с тучным мужиком в форменной фуражке, начальником грузового депо: по жестам капитан понял, что «столыпин» чем-то хотят затарить – часть товара имеется здесь, остальное будет позже. В стороне стояли Кряк с Секундой, оба в гражданке, за ними – четыре спеца в полевой форме, при кобурах.

Шеф попрощался с собеседником. Тот, тяжело дыша, зашаркал к выходу. В огромном помещении склада душно и пыльно – система вентиляции не справлялась. Ясенев снял пиджак, бросил его на ближайшую коробку внушительных размеров и, поправив надоевшую портупею, вопросительно повернулся к ожидающему Спирину.

– Товарищ подполковник! Капитан Спирин…

– Ладно-ладно! Давай по существу.

Корякин

Картонно-бумажная взвесь в воздухе затрудняла дыхание; зажав пальцами нос, майор поспешил удалиться за груду ящиков – прочихаться. Застрял там минут на пять – аллергия на пыль с детства не давала ему покоя. Кряк чихал, слезы текли ручьем.

Сначала не обратил внимания на вибрацию мобильного в нагрудном кармане: «Потом перезвоню» Звук выстрелов дошел до сознания с третьего раза. Вытирая лицо платком, рванул к людям: они стояли большим неровным кругом. Выглянув из-за угла какого-то контей-

нера, постарался определить диспозицию: Ясенев держал на прицеле Секунду, Спирин – слева от подполковника, оружия в руках не видно. Спецы Кряка: один справа от Секунды, двое слева, четвертый – за ним, руки опущены, в одной пистолет, скрытый от взора Ясенева спиной впередистоящего.

Очевидно, стрелял подполковник. Палил в воздух. Причина: кто-то не выполнил приказ, скорей всего – люди майора, они ждали подтверждения Корякина.

Секунда

Как быстро все меняется в нашей жизни… словно во сне. Спирин доложил Шефу о прибытии поезда, ответил на пару вопросов, после чего подполковник предложил ему пройтись вглубь ангара – поговорить о чем-то конфиденциальном. Неторопливо удаляясь, Ясенев неохотно, медленно поднес к уху сотовый телефон. Остановились. Александр Петрович внимательно кого-то выслушал, повернулся к нам лицом. Сказать, что он побледнел, значило ничего не сказать… Он уже шел обратно, когда вдруг со всего размаха разбил трубку о бетонный пол. Через мгновение Ясенев держал в вытянутой руке пистолет, нацеленный мне в башку:

– Майор Корякин! Приказываю: Секунду под арест! – Заметив, что Корякина поблизости нет, Шеф начал стрелять в воздух… Подчиненные Кряка рассредоточились вокруг меня, но приказ выполнять не спешили.

Корякин вытащил их одновременно – пистолет и мобильный. Мельком взглянул на дисплей аппарата: неотвеченный звонок из Главного управления по антитеррору – это серьезно, но перезвонить не получится – его выход.

Ясенев, заметив появившегося из-за коробок Кряка:

– Майор, я получил приказ об аресте Секунды.

Майор кивнул своим спецам – бойцы, слева и справа от их недавнего напарника, достали оружие и взяли того на прицел. Кряк, держа пистолет дулом в пол, замкнул воображаемый круг, остановившись напротив Спирина:

– Товарищ подполковник, разрешите звонок – «тройка» вызывает.

– Подожди, майор, давай арестанта в поезд!

– Товарищ подполковник, я должен перезвонить.

– Спирин! – Помощник Ясенева уже выхватывал «макар» и направлял в Корякина. – Майор, выполняйте приказ, иначе за неисполнение… Звони в вагон, пусть сюда идут! – скороговоркой шипя это Спирину, подполковник сместил пистолет с Секунды на Кряка.

Спирин нехотя полез в карман за трубкой, мушка – на майоре, командире группы. В тот же момент два оставшихся бойца вскинули стволы в направлении Ясенева. Подполковник под смертельным взглядом оружия лишь успокоился, сконцентрировавшись в преддверии скоротечного боя:

– Вызывай! – напряженно, сомкнутыми губами Спирину.

И нажал на курок.

Как быстро все меняется в нашей жизни. Два выстрела прозвучали почти одновременно. Спирин выстрелил первым – начальник спецсопровождения «золотого поезда», держа на прицеле майора Корякина, левой набирая телефон подмоги, интуитивно почувствовал движение курка Шефа и опередил того на долю секунды. Подполковник, дернувшись, получив пулю в живот, свою послал сантиметра на два выше цели – то есть моей головы.

На лице Ясенева ухмылка. Он ожидал чего-то подобного. Не здесь, не сейчас и не от Спирина, но ожидал, предчувствовал. Все звери это чуют, поэтому действуют на опережение. Так он и поступал всю жизнь, но в этот раз не успел, несмотря на то что был преду-

прежден: подполковнику позвонил человек из управления вслед за пропущенным сигналом майору Корякину – Ясенева просчитала контрразведка, в запасе день, пора сливать воду. Не успел…

Внутри тела боль адская! Но Ясенев все видел четко: на него смотрела смерть своим огромным черным дулом. Финальных фраз не будет – это не дешевый боевик, это жизнь с ее звериным оскалом, вернее, ее конец. Выстрел! Контрольный в голову. Капитан Спирин вложил оружие в кобуру, обвел взглядом присутствующих. Его глаза светились золотом Вавилона.

Мы стояли над трупом подполковника, воплощением центра порочного круга, замкнутого на каждом из нас, посвященных в непрекращающееся нещадное роковое действо, которое было согласовано нами троими там, в Душанбе, на задворках железнодорожной станции во время дружеского чаепития в гостях у Спирина, когда я принял решение раскрыть тайну поезда.

– Товарищ генерал, как только будет оформлен материал, состав направится в Душанбе. – Майор Корякин, назначенный командиром группы до прибытия в Москву, докладывал обстановку: – Так точно, товарищ генерал, два трупа: подполковник Ясенев и помощник по прозвищу Слон. Его вычислил и упаковал капитан Спирин – под прикрытием Ясенева Слон связывался с боевиками Исламского движения Узбекистана. Так точно! Они находятся в морге военного госпиталя. Место происшествия осмотрено и запротоколировано офицерами, прибывшими в Термез с подполковником Ясеневым.

Слон неплохо просчитал ходы. Но разве можно просчитать Случай?

Последние дни я просыпался в холодном поту от непрестанно мучивших кошмаров про бесконечную погоню за проклятым золотом.

Читаю: «По прибытии в Афганистан в двухнедельный срок доложить о готовности к приему груза. Пароль-отзыв, рабочие документы торгового представителя ждут в назначенном месте, связь через курьера. Корякин. Точка». Думал, отдохну, кофейку попью.

9

«Что может нарушить гармонию жизни?» – Хороший вопрос для киллера, потерявшего лучшего друга. К тому же участвовавшего в убийстве, подготавливавшего его… Все произошло быстро и неожиданно. Не совсем так, как договаривались в Душанбе, но мы и не могли предположить, что в наш план вторгнется маэстро Случай – кто знал, что Ясенева вели, и именно тогда, на складе в Термезе, наш расклад взорвется звонком из управления и поставит под вопрос две жизни – мою и моего друга Санька… Бывшего друга. Если бы не телефон… Вечное «если»! Само собой разумеется, у подполковника был план – момент предполагал ликвидацию, никак иначе, вместе с неизбежным обречением стать козлом отпущения: Шеф, предчувствуя опасность, должен был слить меня как организатора, тут всё понятно… Не просчитал он лишь игру в обе стороны Корякина-Кряка, отвечавшего в таджикско-узбекской операции за мою безопасность. Игру просчитал я – и остался в живых, надолго ли?

Даже здесь, в пустыне, я продолжал решать в тревожных снах неразрешимые вопросы, оставшиеся за гранью реальности, которая вовсе не уступала своей запутанностью видениям. Пробуждения были мучительны.

Двойной вдох, тройной выдох – трусцой огибая невысокие колючки, бодро нарезал третий круг вдоль бетонного забора военного городка под Кабулом. Никуда не спешил – просто ежедневная утренняя пробежка по территории бывшей советской базы, занятой американскими миротворцами. Здесь мне выделили отдельный номер на первом этаже двухэтажной гостиницы с выходом во внутренний дворик. По утрам командировочные, в основном из натовского контингента, энергично болтались на турниках, усиленно били руками-ногами по плотным грушам из песка, отжимались, кто с сигаретой во рту, а кто и с наглой ухмылкой. Я же обычно минут сорок бороздил тоскливый пейзаж, не радующий свежестью.

Я – служащий российского представительства в Североатлантическом альянсе по транзиту грузов невоенного характера через Россию в Афганистан. Само представительство в Кабуле. Мы же, торговые агенты, осуществляющие контакт с коалиционными силами по всей стране, курсировали по неспокойным городам и весям. Вбежал на пропускной терминал – на воротах ко мне привыкли за неделю:

– Жив еще? – Мне, традиционно.

– Still overground… – в ответ.

– Хай!

– Hi! – Это мой новый знакомый, крепенький американский полковник, с голым торсом разминающийся на спортплощадке, приветствует меня. «Привет-привет!» – в ответ.

Последние четыре дня мы коротали с ним душные вечера в баре при гостинице, либо просто выезжая в город, не балующий ночными развлечениями. Полковник слыл, или хотел казаться, знатоком амурных дел, но – Афган, Кабул… какие уж там шашни! Американцы то вводили комендантский час, то отменяли его – талибы не спали… вообще не спали! Если выдавалась спокойная, без взрывов, ночь, знай: назавтра не уснуть, что-нибудь да придумают, сволочи… От безобидных трассирующих фейерверков до реальных подрывов миротворцев, «своих» ли афганцев: им, талибам, без разницы. Активизировались они сравнительно недавно – год назад, до выборов Обамы, здесь еще было полно приезжих.

Наконец-то у меня появилось время все обдумать. Прощание с группой Корякина, переход границы прошли быстро, спонтанно. Время спуталось в неровные обрывки минут, часов. Обрывки памяти не складывались, так и валялись на полу сознания неровной кучей, пока я не оказался здесь. Потребовалась неделя, чтобы собрать себя из самого себя же.

Друг Шефа из посольства радушно меня встретил, как договаривались, на развилке «Мазари-Шариф – Хайратон» в пятидесяти километрах от границы с Узбекистаном. Друг

был искренне опечален смертью Ясенева, но, что ожидаемо, печаль быстро улетучилась при упоминании о деньгах. Звали его Джахонгир Ильхомович, причем принципиально именно так – по имени-отчеству. Упертый, что свойственно таджикам, подозрительный, что вообще свойственно… нашей работе. На панибратское «Джаник» перейти не разрешил. Свою роль в моей афганской судьбе обозначил сразу – где предстоит работать, под какими документами, с кем связываться, какие обязанности исполнять, и сколько это будет стоить… мне, нам. Цель пребывания – получить груз. Роль Джахонгира – посодействовать в сохранности этого груза. Под видом гуманитарной помощи я должен сплавить товар по назначению. Конечное направление пока неизвестно.

Чудно… Думал, все рухнет вместе с исчезновением Ясенева. Но Система как ни странно продолжала работать. Или этот рывок – последний? «Свой паренек» Корякин сыграет ва-банк?.. Я знал о его криминальных подвигах на чеченской войне, должен был знать – это и являлось тем рычагом, которым пользовался Шеф, что заменяло не дружбу, нет, лучше сказать «братство по крови», ведь все мы люди далеко не идеальные, каждый со своей, отнюдь не гладкой, историей. Главное – удалось избежать международного скандала.

В любом случае, пока идет расследование узбекской операции, у нас есть время. Связи, которые Шеф имел в верхах, не восстановить, поэтому надо использовать имеющиеся в наличии возможности и средства. Корякин, Спирин находились под следствием, но не под подозрением, что важно. Золото – у нас, и в курсе золотой тайны трое. Не исключал и того, что Шеф при жизни вообще собирался поставить жирную точку-кляксу в вавилонской эпопее, сдав поезд властям вместе со мной и иже с нами. Учитывая все, плюс неплохой банковский счет в европейском банке, плюс относительную безопасность вдали от родины, я сделал вывод не предпринимать резких движений… как обычно предусмотрев двойной, тройной исход предполагаемой ситуации. В память о Шефе.

«Где они откопали это чудо?» – Держал в руках малогабаритный пистолет-пулемет «Аграм», хорватское изобретение для партизанской войны. Оружие заказывал у Джахонгира – просил удобное, компактное. Вот и получил. Ждал, конечно, чего-нибудь посовременней да поприцельней, но… на нет, так сказать. До суда, думаю, не дойдет.

Спусковой механизм, возвратная пружина с направляющим стержнем, затворная коробка, глушитель – жестко все, неудобно, хоть и заводская сборка. В дополнение ко всему – рукоятка взведения слева, наследие немецких соседей. Усмехнулся, вспомнив наши выезды на стрельбище из колонии строгого режима в конце девяностых. Кум, Санек Ясенев, договаривался с военными, и мы, за небольшие по тем временам деньги, расстреливали тысячи патронов из разных видов оружия. Там, на засранных умирающих советских полигонах, формировалось наше преступное сообщество, потерявшее недавно своего кормчего – Санька. «Х-ха!» – Невольно натыкался на необходимость соотносить свои действия с непокидающим память образом старого друга. Что это, сентиментальность, потерянность, муки грешника? Зачем мучиться без видимой перспективы воздаяния? Или предчувствие.

Непонятно, с кем тут воевали американцы? Ответ одновременно и сложен, и прост: американская мечта в лучшем ее понимании – Свобода, равные Возможности, столкнулась со Свободой и равными Возможностями, но другими, не заокеанскими, которые никогда друг друга не поймут и не соприкоснутся, ни-ког-да! Как сгорят героиновые деньги под взглядом каменного бомианского Будды, так упрется голливудское чудо хеппи-энда в чудовищной силы исламскую веру. Поэтому Будду лучше было безжалостно взорвать, что и сделали талибы, а Афган лучше стереть с лица земли, чем и занимались американцы. Истребление одной цивилизации другой цивилизацией не приведет ни к чему хорошему – но эти-то, американцы, ищут террористов в мутной исламско-мусульманской воде, сами превращая в террор всё, с чем соприкасаются. Мутная вода на руку мне, нам, перешагнувшим закон, но

их-то, типа спасителей! – убивают каждый день. Вот она – жажда глобального влияния: не нужны им террористы, им нужны территории, земли!

До драки не доходило, но примерно так, почти враждебно, заканчивались наши с полковником похождения по ночным кабульским барам. «Идеология, блин!» – Накачиваясь спиртным, мы перешагивали дипломатический уровень и становились антагонистами – представителями двух великих держав, борющихся за мировое превосходство, не менее. Официальный запрет на алкоголь не преграда, в поисках горячительного Джек казался неумолимым. Холодная словесная война доставляла мне, да и ему, видимо, немалое удовольствие – жизнь вокруг, словно пустыня, высушивала эмоции, заставляя искать укрытие как снаружи, так и во внутреннем мире, в том числе в общении. Утром просыпался улыбаясь, чувствуя себя патриотом – дал шороху американосу!

Завершалась вторая афганская неделя. Дружок Джек засобирался, готовясь к передислокации – не раскрывая профессиональных тайн, дал понять, что его работа связана с продовольственным обеспечением различных родов войск. Не пыльно, но ответственно. Остальное не сложно домыслить. Понимал, что офицер подобного уровня в любом случае связан с разведкой. Мне почему-то казалось, ситуация под контролем. В этот раз я не получил инструкций, чем занимался покойный Шеф, разжевывавший предстоящую делюгу́ по кусочкам. Хм, второпях мы сунулись в чужую страну неподготовленными – быть бы живу, да спасти-сохранить золото, наш пропуск в безбедную старость. Да, Джека я не просчитал, не успел…

«Минная опасность!» – написано на стенах таких родных, советских еще хрущоб. Граффити… Я шел с главпочтамта на свою запасную явочную резиденцию – в недорогую гостиницу «Серебро». С посольским людом приходилось общаться по официальным каналам связи иногда с почты, иногда с отеля. Там же по необходимости встречался с Джахонгиром и парой-тройкой его помощников. При желании отель могли вычислить, что несложно, но никто не знал о моей третьей квартире, находящейся в гестхаузе, частном кубическом особняке на правом берегу реки Кабул, вдали от центра. В затерявшемся среди кривых улочек, старинных застроек и небольших арыков доме, хранил ноутбук, единственную связующую нить с Кряком, и пистолет-пулемет «Аграм».

Джек Кровиц, полковник интендантской службы вооруженных сил США, ждал меня у входа в гостиницу. Улыбался, как улыбаются друзьям: да, выпили мы немало, даже как-то подцепили двух подружек-узбечек, которые успешно слиняли в ответственный момент, но…

Сели в знакомом баре посреди городского центра. Джек хотел сказать что-то важное. Запрос в картотеку ЦРУ подтвердил его подозрения в моей принадлежности к российской службе обеспечения. В списках официальных представительств русского друга также не оказалось. Вспомнился Шеф: кто-кто, он-то бы внес меня в любой список – это провал! Как все просто. Пахнуло старым фильмом, я напрягся: я ж не разведчик, а преступник, хм… хотя к подобному моменту-развязке готовился всю жизнь, и был готов, в принципе. Окружающий мир взорвался вдруг грохотом крикливого, бесшабашного базара! – меня оглушило внезапностью осознания проигрыша. И я не видел смысла дергаться, устраивать стрельбу – Джек зацепил плотно, предупредив о непредсказуемых последствиях в случае непредвиденных выкрутасов.

Медленно брели мимо зазывающих торговцев псевдоантикварными сувенирами. Я сливал полковнику информацию про поезд, напичканный золотом Вавилона. Понятное дело, Джахонгир не мог запустить мохнатую лапу дальше своего носа, то есть выше уровня посольской ответственности, поэтому привязал меня к торговой должности уж слишком поверхностно – для иностранной разведслужбы сложности в идентификации не представлялось. Пока есть шанс, надо жить. Шанс дал Джек. Я понял: его долг офицера столкнулся с

деньгами, огромными! – и деньги победили. Что это: «Служение отечеству уступило перед соблазном наживы?» – Не знал ответ – до того ли мне было?

В нашей схеме появился «друг», наглухо связанный с Интерполом, разведкой и черт его знает, с чем еще, но я остался жив. А золото… Соглашусь с Исламом, проповедующим отрешение от всего мирского еще до выхода из грешного мира – бог с ним, золотом… пока.

* * *

Майор Корякин чувствовал шаткость своего положения. Вместе со своим отрядом он поступил в распоряжение двух офицеров войсковой разведки, прибывших в Термез ранее с подполковником Ясеневым. Расследование нападения боевиков на поезд маслолицего майора-предателя неотвратимо переросло в разбор полетов на пятом товароприемнике. Конечно, всех собак спустили на Ясенева: он получил сигнал (следствие интересовалось, кто предупредил?), стрелял, пытался арестовать Кряка. Корякин, также получивший информацию о продажном подполковнике, отстреливался, но промазал, поэтому Спирину пришлось вмешаться. Все произошло неожиданно, упор – на самозащиту и на внезапную пальбу сволоча Ясенева.

Кольку-Секунду – с ковра вон! Толстый начальник грузового депо Кольку и не вспомнил, защищая задницу от неминуемого возмездия. То, что прикрывала форменная фуражка увальня, вообще всё позабыло со страху, уж тем более не говоря о материальной близости к подполковнику Ясеневу. На следующий день спецназовцам возвратили оружие, дали задание: через три дня вернуться в Душанбе, там отчитаться-отписаться – и домой; мол, в Москве продолжим шерстить, а тут пусть спецура порыщет. Скандальчиком попахивало, и каким!

За три дня состряпать версию на проход в Афган – нереально. За три дня подготовить согласования, концы, оплату счетов – невозможно. Связаться с Джахонгиром, оформить документы для более-менее правдивой легенды под Секунду: не-мыс-ли-мо! Но… Через три дня Секунда пересек афганскую границу в качестве торгового представителя. «Не в кубики играем!» – Золото не должно засветиться ни в коем случае. Иначе… что иначе? Вот от этого «иначе» и уворачивался всю жизнь старый солдат Серега Корякин по прозвищу Кряк, шкурой своей впитавший войну, предательство и обратную сторону человеческих законов…

Корякин («Кряк!»), девяностые годы

Большой каменный дом. Шикарный. В пригороде. Шикарный дом в шикарном пригороде. Забор: ой-ой-ой! Видеокамеры кругом. «Да-а… В поряде всё – в по-ря-де». Подошел. Звонок. «Кто?» – «Васильев. Договаривались». – Открыли, впустили. Ощущение тяжелого, исподлобья, проницательного профессионализма. Массивные ворота (не скрипнут), обыск (сухие кисти рук специфически прихватывают за одежду – борец по ходу), пятикилограммовый хлопок по плечу: «Пошли!»

Нормально… Слева, справа – вежливые люди при галстуках. Дорожка из керамических плит средь ровной травы длиной метров сорок. Привычно оценивая обстановку, Серега понимал, что мог отсюда не выйти. Из кармана пиджака достал неизъятую при обыске шоколадную конфету. Вопросительный кивок, из вежливости – визави: нет? – закинул в рот. Подошел к парадному. Встречает – один. Стоит, прикрыв за собой дверь. Ждет. Осталось шагов двадцать. Сейчас?..

Ранняя осень. Темно. Сверху землю придавили неплотные низкие грозовые тучи, кое-где рваной ватой пропускающие свет. Летние еще лучи, увлекая за собой взгляд, рвутся вверх – там, над тучами – жгучие прорези солнца. Кряк вскинул голову к небу – сопровождающие автоматически повторили движение – зажмурились на миг. Шаг влево (фирменный «конек») – Кряк за спиной у борца. Рванул его пиджак: пуговицы врассыпную! – кобура,

пистолет (Иж-71, служебный – но Серега и не надеялся на глушитель). «Та-а-к – придется пошуметь». – Ствол в левой руке приставлен к виску опешившего охранника, правой обхватил ему жестко шею, придавив кадык. Вплотную ко второму: выстрел!.. второй!.. Следующая цель на дверь – третий ушел. Дверь захлопнулась. Подошли к парадной. «Да, не исключено, что без глушителя, поэтому предпринимать что-либо еще не время».

– Васильев? – Дворецкий похож на первых двух. «Матрица…» – хохотнул про себя Серега:

– Да. – Он был в футболке, на ней замшевый пиджак (из Лондона), джинсы, мокасины.

– Проходите. Где договора?

– Да мы сначала устно… не по телефону. – Вошли. Двое остались на улице. «Да… Уж…» – Обстановка, как в кино про плачущих богатых: белый мрамор, бежевый оттенок на всем… печать роскоши, гламура. Дневное освещение из ниоткуда. Ультрафиолет обволакивает.

Большой холл. Людей нет. Наверх вела кольцевая лестница. Войдя в дом, сразу заприметил мохнатую черную гору, выглядывающую из дальнего угла – кавказская овчарка, волкодав. «Место!» – охранник чуть поднял кисть руки – собака не пошевелилась в ответ. «Та-а-к… обучена». – Кряк достал из кармана вторую конфету, развернул обертку. Сопровождающий, крупный высокий мужик, жестом приглашал подняться: «Прошу!..» Носком ботинка, без замаха, но с разворота – резкий удар в пах! – мужик согнулся. Кулаком с конфетой: крюк снизу-вверх! – в основание носа, над верхней губой. Левой рукой обхватил сверху голову за подбородок, правой внутренней стороной ладони – затылок: рывок встречным движением рук – хруст! Тут же конфета летит в сторону волкодава – иллюзия! – он и не смотрит на нее, начав уже свой разгон. Сверху шаги. Ладно, тут тоже шансов нет.

Вежливо кивнув головой, направился к лестнице. Сверху в полкорпуса чернел смокинг очередного охранника. «Четыре танкиста и собака… Сколько еще?» – Не торопясь поднимался. Гладкие мраморные перила с прожилками породы. Слева – цветные окна-витражи, сине-красно-желтые, в стиле семидесятых, по всему холлу. Но они не портят бежевого. Ступени поворачивают направо, постепенно меняется освещение. Второй этаж – синяя фантастика! Каменная строгость вливается в плотный изумруд северного сияния…

– Здравствуйте! Следуйте за мной, – произнес охранник.

Кряк было напрягся, но секьюрити услужливо пропустил его вперед. Двадцать шагов… Мягкий ковролин. Они двигались в противоположную сторону от зала на втором этаже – в офисные помещения. Еще десять… Свет постепенно преображался из сказочного в деловой.

– Присядьте, пожалуйста.

Типичная приемная. Охранник, не постучав, открыл дубовую дверь. Серега остался один. Анализировал. Потолок высокий с лепниной, на стенах живопись. Коридор уходил дальше по кругу, опоясывая этаж. Кряк знал, что будет непросто. Знал… Охранник вновь появился:

– Будьте добры, подождите пять минут. – Спеша куда-то, скрылся. За дверью приемной слышен гул. Прощаются… возможно. Легко ступая, Серега рванул вслед за исчезнувшим «смокингом». Коридор сузился. Бегом… Справа аппаратная. Серега сбавил скорость, вошел. Перед солидным экраном из десятка мониторов парень в униформе, он сразу встал навстречу – в глазах вопрос, решимость. Кряк начал игру:

– Извините, прижало, – руки на грудь крестом. – Простите, пожалуйста! – Исподлобья оглядел пространство: «О!.. Удача!» – На столе у клавиатуры «макар» с насадком-глушителем.

Ладонь охранника – stop:

– Сюда нельзя!

– Дык, открыто было, позвольте в туалет… – Жалобно.

Взгляд бойца смягчился. В это время рядом за дверью (видимо, уборной) послышался шум воды в завершающей стадии работы унитаза.

– Ну! Пустите… я вот… за вашим побежал, да не догнал, не успел. – Полуулыбка. – Так, наудачу зашел.

Боец в спецовке ослабил внимание, надеясь, что вот-вот выйдет подмога. Шагнул назад, руку на спинку кресла, не волнуется. Щелкнул внутренний замок туалета – время! Кряк, танком! – в сто двадцать килограмм, оттолкнулся от пола и одновременно: костяшкой согнутого большого пальца – в переносицу аппаратчику; ногой – двухтонный удар в открывающуюся дверь. Левой рукой – за рукоять волыны, другой, резко – предохранитель к бою! Рычаг затвора бесшумного пистолета: вниз-вверх – заряжен – выстрел!.. еще один… еще! – через клозет. Проверил… всё. Заранее подготовленный к разным неожиданностям замшевый пиджак скрыл оружие и магазин к нему с восемью патронами. Вышел из обесточенной (им же) аппаратной комнаты. Смерть. К чему, к чему, уж к смерти смертушке-то Серега Корякин привык.

Под потолком в приемной мертвым взглядом за происходящим наблюдала неработающая камера видеонаблюдения. Гости как раз начали расходиться, лобызаясь с хозяином – он сам их провожал. Кряк подошел к упругой кожаной кушетке, присел, будто вставал так – на три секунды, размяться… Хозяин – супротив, спиной к стене, широко раскинув руки, улыбался в спину последнего распрощавшегося. Но в глазах уже – нет, не узнавание – беспокойство из-за отсутствия охраны. Он посмотрел по сторонам, не обращая пока внимания на усы и длинные волосы Кряка, – клиент как клиент.

– Здравствуйте! – Серега встал, протянул руку. Одного с Кряком роста, под два метра, хозяин сухо, по-деловому поздоровался. Затем, чуть замешкавшись:

– Проходите… – Обернулся: коридор пуст. Закрыл за собой дверь, пропустив гостя вперед в предбанник.

Слева кабинет шефа, справа служебка. По центру за столом, укутавшись в провода от нескольких телефонов, конференц-боксов, клавиатур и мышек – черноволосое чудо с обложек всех глянцев мира:

– Юрий Николаевич! Что-то со связью. – Хотелось дорисовать в подсознании продолжение недоступных взору частей тела девушки, но…

В правом заднем углу, упершись взглядом в спину, тихо притаился на стуле «смокинг» – Кряк его почувствовал затылком: волосы на макушке уловили дыхание… как на войне.

– Проходите! – Шеф отворил кабинетную дверь и, вновь пропустив гостя, охраннику: – А где Сергей, черт побери?!

– Юрий Николаевич! Он в туалет… – неуверенно проговорил вслед «смокинг».

– Сюда его! – повысив голос, – и бумаги по строительству. – «Черт! Сигнал! Он просек. При чем тут бумаги?!» – Развернувшись, Кряк встретил шефа на входе глушителем в живот.

Просторная комната, черно-белый интерьер, окна в полный рост – стеклопакеты. За окнами – панорамный вид зеленого, с вкраплениями желтого, сада с высоты четырех метров. «Та-ак… Двери изнутри без запора. – Беглый обыск хозяина – ничего нет: – Садись!» – прошипел Кряк, кивая на длинный ряд стульев. Держа лоб шефа на прицеле, вкруговую обежал дубовый стол, отодвинул кожаное кресло – в наклон, на ощупь проверил пространство под, над столешницей, в ящиках: оружия нет, тревожной кнопки нет, не заметил… Вернулся, пристроившись напротив на безопасном расстоянии: взмахом не достанет, в прыжке нарвется на пулю.

Руку с пистолетом под пиджак – как чувствовал! – без стука (армейская выучка) «смокинг» просунул голову:

– Его нет.

– Знаю! – В яростном кивке десятки несказанных слов. – Иди!

– Нет, пусть зайдет, – шипя это, Кряк встал. Шаг назад. Охранник его не видит из-за двери, мушка прицела снова на лбу хозяина:

– Володя, зайди! – громкий приказ, напряженные руки бессильно сползли с подлокотников – шеф знал, что будет дальше. Дверь захлопнулась, одновременно охранник ткнулся спиной в стену от резкого чавкающего удара в грудь, сполз на пол. «Без бронника…» – отметил Кряк:

– Здравствуй, капитан!

– Давно полковник, – злобный хрип.

– Я пришел к капитану… ответить за ребят. – Провел рукой под столом для клиентов: «Ага-а! Вот они, кнопочки!.. и не одна». – Дави-дави, капитан! Были мы и в аппаратной. – Зрачки шефа в потолок: типа кто бы сомневался. – Вставай! – Надо заканчивать. В такой ситуации шеф крайне опасен: спецназ ГРУ заточен на выживание.

Вышли в предбанник, полковник спереди:

– Люда, иди в подсобку! (Кряк позади нашептывал команды.) Да не жми ничего (умная девочка), отключено! – Побелевшая, вмиг осунувшаяся красотка, на полусогнутых (но каких!), уплыла в служебное помещение. Серега закрыл внешнюю задвижку:

– Постарайтесь не стучать и не подавать оттуда голос, вам же на пользу, – последнее напутствие через дверь.

– Лейтенант! – Шефа от спасенья отделяло метра два: дай волю вырваться в приемную.

– Давно майор. – Кивок на кабинет: – Быстро! – Вошли обратно.

– Нам легче разрулить ситуацию прямо здесь. Тебе не выбраться, лейтенант.

– Открывай окно! Ты все знаешь – нас было семнадцать, остался я один. – В комнату ворвался воздух из сада. – Полковник, все кончено.

– Серега, не делай этого. – Полшага. – Ты не представляешь, что произошло тогда… – Полкорпуса в сторону Кряка: – Давай обсудим… – Критическое расстояние, можно «работать», Кряк не стал рисковать. Выстрел, круговой разворот навстречу – удар подошвой ботинка в солнечное сплетение удвоил ускорение, заданное пулей. Полковник исчез в проеме огромных ставней. Серега не слышал звука падения; через предбанник рванул в коридор – по густому мягкому покрытию к аппаратной. В той стороне слышалась возня: взламывали дверь (её закрыл Кряк, ключ под ковром). Сразу начал стрелять. Трое… Перезарядил пистолет: «Та-ак…» – Дальше по кругу: изумрудный зал. Синий блеск хрусталя… Красиво… пусто. Подкрался к лестнице на первый этаж. Там кипиш! – топот, крики… – «Сколько же их?» – Бегом вернулся в предбанник шефа:

– Люда, вы здесь? («Где ж ей быть, если столом для надежности припер?»)

– Я… вы… тоже… здесь? – кажется, она удивилась. Приятный голосок.

– Потерпите немного, скоро уйду.

Из кабинета отчетливо слышно, что происходило на улице. Кряк осторожно выглянул в открытое окно-распашенку. Еще два хлопка: «Пук-пук!» – Чисто. Что ж, не впервой: уцепившись за край стеклопакета, повис спиной к саду. Высота метра два – оттолкнувшись ногами, прыгнул. Приземлившись, вплотную прилип к стене дома: шум уже наверху в офисе. На травке три трупа, один из них шеф, полковник Тропилин. Медленно, по стеночке, к парадной… Они опаздывают ровно на шаг.

Ждал у входа в дом – пусть думают, что убежал в сад. Небольшой выступ – Серегу не видно. Высунулся один из них, осмотр: влево-вправо – пошел, за ним второй… Два выстрела, кувырок вперед, поворот лицом к двери: третий охранник напротив, лицом к лицу. Упав навзничь, выстрелил на опережение – Серега первый! – встал. Дверь закрылась после падения «смокинга». Тут же внезапно распахнулась – на Кряка набросился черный вихрь!

Успел только подставить навстречу страшной пасти согнутую правую руку с пистолетом – взял, волчара! – хруст!! Боли не было.

С крыльца уже направлен очередной ствол – ищет цель – боится попасть в собаку. Перехватив пистолет левой и, заваливаясь под натиском волкодава, наугад отстрелял оставшиеся три патрона… Они на траве, Кряк снизу. Рука в злобной пасти – спасенье, надолго ли? Кавказец, прикусывая, рывками перехватывал руку все выше, выше, ближе к плечевому суставу: ему нужна шея… Они в крови. В Серегиной. Пришла боль, нестерпимая, но… – они одни, одни!

Лежа на спине, обхватил врага крест-накрест ногами, прижал его плотно к себе, ограничив свободу движения. В напряжении ног вся энергия тела, Кряк терял силы. Оторвав свободную руку от мохнатой, кроваво-липкой шеи, снял мокасин и, рыча вместе с собакой, ломая ногти, выцарапал вшитый в кожаную боковину обувки стилет. Воткнул в грудь, под сердце – провернул еще и еще, глубже. Пес ослабил хватку, завалился на бок. Он боец. Он погиб, выполняя задание.

Сначала нашел Люду. Та сказала, осмотревшись, дрожа, что в доме больше никого нет. Как мог, привел себя (и красотку Людочку тоже) в порядок. С помощью симпатичного секретаря зашил раны на руке (почему-то зелеными нитками), сделал перевязку. Облачился в смокинг охраны. Убедив ошеломленную девушку в бесполезности объяснений с милицией, запер ее снова в подсобке, пообещав сразу же набрать ноль-два, как только вырвется из крепости полковника. «Макар» с глушителем вложил в руку «залетному убийце», переодетому в лондонский пиджак… Кряк рассчитался за ребят.

…Прошло лет десять после тех событий. Тогда капитан Юрий Николаевич Тропилин сдал разведгруппу Корякина чеченцам, выручив за это большие деньги. «Чехи» же получили склад с новейшим вооружением, плюс – селение перешло в их руки. Серега один выбрался после той подставы. Его нашли, вытащили и выходили два старика, местные жители – муж с женой, особняком живущие в горах. Война вскоре кончилась. Корякин еще долго ошивался по госпиталям… Все это время собирал материалы и узнал правду. Потом искал капитана. Нашел. Отработал подходы. Представился бизнесменом, заинтересовал. Тропилин назначил Сереге, изменившему имя и фамилию, встречу. Кряк обладал информацией о связях, охране, телефонных переговорах, но как это будет на самом деле, внутри логова.

Машину оставил квартала за два. Парик, усы – все готово. Главное, войти неузнанным. Десятки, сотни раз проигрывал ситуации, просчитывал варианты… но! Разве можно просчитать импровизацию?

Звонок. «Кто?» – «Васильев. Договаривались». Кряк взял билет в один конец…

10

Спирин

«Эти жаркие дни в Термезе пулями застрянут в сознании. – Никогда так не страдал – эмоционально, изнутри. Вроде бы только наладил и без того непростую жизнь, вошел в колею, получил звание… Война, заслуги, мелкие и не очень грешки – все в прошлом. Впереди светились надеждой служба-работа, семья, размеренность, друзья. На первую роль всегда ставил друзей, так повелось… – Ч-черт, нутром чуял запах жареных событий. Ведь как знал…»

Ясенев не напрягал. Спирин все делал правильно, получал за это деньги, ни о чем не спрашивая. С Корякиным дружили с давних пор, иногда их пути пересекались. Конечно, слыхал о взаимоотношениях Кряка с Шефом. О себе Серега рассказал-поведал в Душанбе, когда случай свел трех спецов на задворках железнодорожной станции в «столыпине». За предательство в первой чеченской Кряк убил своего боевого командира Тропилина. Ясенев вычислил Корякина и прибрал к рукам.

Удивительно, три истории жизни соединились помимо воли демиурга Ясенева и вынесли тому смертный приговор. Что это – нормальный ход событий? Нормальный ли… Убийство из-за золота, о котором им с Корякиным поведал Секунда? Ответ: нет! – они защищали свои жизни; а вместе с историей о вавилонских сокровищах Секунда открыл глаза на кой-какие вещи, суть которых они с Кряком недопонимали. Поведал Спирин и о своем знакомстве с подполковником – как тот вытащил его из тюрьмы, снял, потом и вовсе замылил судимость, устроил служить в спецназ. Кликуха была у него по молодости Спир.

Спирин, восьмидесятые годы

– Завтра в восемь у морга. – Пожали руки, разошлись: – Не пейте! – вдогонку.

Вовка с Лехой, вопреки шутливому распоряжению Спира, тут же поехали в кабак: по пятьдесят – святое… за упокой погибших друзей.

И что на тех нашло?! – пацаны знакомые, левобережные, сто раз вместе хлебали водку. Контролируют ресторан, подпольные казино… Били на выходе, жестко. Леха чувствовал – словно град по жестяной крыше: тук-тук, часто! Держался как мог… Упал… Запинывают, суки!

Всё!

Издалека, сверху: «Мы вас предупредили-и-и!»

Брали камни[8]. Так решили в этот раз. Баксы баксами, но камни манили своим нереальным выхлопом: Спир, исписав корявым почерком страницу, сунул блокнот под нос Дениске с Юмом: десятикратный подъем!

Из Москвы в Юрмалу – три секунды! Белая «девятка» – маленький самолет – весело летела по пустынной трассе. Окна настежь. Сухой летний ветер разрывал на части счастливые двадцатидвухлетние улыбки. Спир ласково-небрежно поддерживал спортивный, в кожаном переплете руль, прокручивал работу: «Сто грамм голды[9]. Так. Взамен – три камня по двести баксов. Итого: шестьсот». Валдис сказал, какая-то тачка подвисла, дорогая, не меньше пяти штук.

И (так он никогда не блефовал!) Спир Валду:

– Мы везем тебе товара на шесть тысяч долларов!

---

[8] Камни (жарг.) – бриллианты.

[9] Голда (жарг.) – от английского Gold, золото.

– O’key! – удивленно в ответ.

– Оу-кей! – Спир положил влажную трубку междугороднего аппарата. Рукой закинул назад челку – испарина… В итоге за сотку грамм золотого лома они получат автомобиль ценой в целое состояние – пять тысяч долларов!

«Балтийский берег, ласковый прибой…» – Московские пацаны в Ригу на обед летают. Вечером уже в ресторане «Прага», через Арбат. «А нам и на тачке хорошо». – Смоленск… Минск. – «На обратном пути, если тип-топ всё, можно в Калининград залететь… потом на Ленинград двинуть… Эрмитаж. Ну, это перебор… Успеем, жизнь длинная!»

Вот и Юрмала. Домчали быстро. Летняя эйфория. («Трава не наркотик». – Так, баловство одно: это уже через много лет станет хитом.) «Сука! Дорога перекрыта». – Две иномары поперек, третья – сзади в треугольник. Слева лес. Справа лес. Трасса. – «Так-так-та-а-к…»

Остановились метров за пятьдесят. Вышел Спир, побрел к перешейку, усиленно прихрамывая (расчет). Его встречали трое, за ними еще трое (а сколько в машинах?). Спир один. Бояться нечего; захотят завалить – завалят: что назад чеши, что в лес беги. «А так хоть поговорим».

Издалека Спиру:

– Привет, брателла! Что хромаешь? – Акцента нет. Наши, русские. Держат трассу, значит. Это уже легче… – Подошел ближе: – Так, лапу подсушил на малолетке, в восемьдесят пятом еще…

– А где отдыхал-то?

– Так, на «тройке» под Свердловском. Потом на «общий». Серов.

– Со Свердловска, значит? – Пристальный взгляд на номерные знаки «девятки».

– Уральск. Правобережные мы, слыхал?

– А что мутите? – спрашивал парень лет тридцати, худощавый. Руки вроде как повторяли вслед за словами движение мысли.

– Так, в гости к Валдису с центра. Он с Рыжим работает. А ты что, бывал в Свердловске?

– Не-е! Я под Москвой парился – на «пятой».

– Так мы с Москвы и чешем. К пацанам заезжали. Серого…

– Какого Серого?

– Ну!.. Серега. Чебышев.

– Чебышня, что ли? Ха-ха! Знаете его? – С недоверием (жесткий, колкий взгляд потеплел чуть-чуть).

– Так, с ними и бухали в Москве. Серый, пацаны его, в пивнике «Жигули»… – Это он приврал! Чебышь фигура недоступная для такого молодняка. Спир о нем слышал, просто слышал по разговорам с московскими золотыми менялами.

– Точно! Ёп-п-па! А из «Жигулей» в «Бухарест». – «Зацепил, бля-я!» – возликовал Спир:

– Ну! В «Бухарест» нас не приглашали. – Аккуратненько… съезжаем: – А вы что, пацаны, ждете кого? – Пора и по делу.

За Главным, чуть поодаль, трое – слушают. Напряжение спадает… Закуривают: «У меня свои…» – «Спасибо!» – их Marlboro, наш Космос. Главный смолит цигарку специфически, но не понтуясь.

Всё!

Попрощались, туда-сюда… телефончики… имена, кликухи: «Заезжайте… свидимся! Да мы тут тачилы обкатываем…» – «Да-а!.. крутые болиды… Пока!» – «Пока!!!»

…Нашли Валдиса на работе. Он признал: «На трассе разбежались удачно. Это бандюги заезжие, бомбят по-черному!» – Долго рассматривал камни, прозванивал. Полулегально, он

держал ювелирную лавку – магазин, мастерская… Для Совка, конечно, бизнес невиданный. На Валда навели те же самые москвичи, о которых с «бомбилами» толковали. Ювелир работал по чесноку, ответственно, без обмана. Многих знал, его многие знали, уважали как специалиста.

Три камня. Каждый почти по карату. Валдис думал не долго, тут же произведя расчет.

Из города выезжали на двух машинах: своей «девятке» и честно заработанном Форде Скорпио, почти новом. Спир гнал на форде, далеко вырываясь вперед, кайфуя от непрошеного наслаждения управлять скоростью, настоящей ревущей скоростью. По ленинградскому направлению на Урал. Тормозить, знамо, нигде не стали (какой там Эрмитаж!) – лента шоссе манила свободой, ветром. Э-эх! Это бесконечно веселая и легкая жизнь… В молодости трудности (даже серьезные) быстро улетают в прошлое, в ни-ку-да! Молодость – предощущение надвигающегося счастья. Оно: вот-вот! – шаг, второй… день за днем, год за годом.

Договорились стыкануться у ближайшего населенного пункта: кафе, гостишка. Спир остановился, удовлетворенно ухмыляясь неоспоримому превосходству иномарки, не торопясь обошел окрестности, снова забрался в тачку, закурил. Дело к ночи. Включил габариты, чтоб издалека увидели. «Что-то долго…» – Ухмыльнулся: «Точно! Косяк замастырили на природке. Дениска с Юмом. Едут сейчас, хохочут… х-ха!»

Там, на трассе под Юрмалой, он не выдумывал перед залетными бандюгами насчет своей беспокойной юности. Было дело… Бакланки, мелкие кражи, драки во дворах: обычная для перестроечных пацанов жизнь. С одной стороны: привычная совдеповская нищета, очереди, вечная нехватка чего-то, мать-отец… (что есть, что нет!), частые ссоры. С другой: начало какой-то невероятно новой жизни! – это давило. Обладая природной остротой ума в сочетании с ноюще-тонким восприятием действительности, юноша, пацан, Спир кожей чувствовал смену воздуха: его распирало желание действовать (как?), что-то делать (что?). Как молодая весенняя трава рвется из-под земли на волю, так целое поколение середины восьмидесятых расправляло плечи, примеряя на себя свободу, – теряя её и обретая вновь, – становясь сильным, другим.

Когда проснулся, часы показывали пять утра.

Мимо они, что ли, пролетели? Вернулся назад. Три, шесть, десять километров… Потом вперед… вновь обратно… в поселок – ждут? На почту – телефон! Куда звонить-то? В надежде, что друзья его просто не заметили, рванул домой. По дороге мечтательно думал о сотовой связи: чертовски дорого (цена с полмашины) – но сейчас бы пригодилась: «Алло, Дениска! Ты что, гад, травы объелся? Я ж на трассе стоял!» – Трубочку положил (аппарат большой, увесистый, база между сидений), и никаких волнений, блин.

К родителям ребят не шел… неделю… две. Уже давно объявлен розыск. В коридорах прокуратуры, при встрече со вмиг состарившимися предками, опускал глаза: старался исчезнуть, раствориться. Виноват, в чем? Разумеется, виноват! Родаки молча надеялись… Он чувствовал: они мно-о-о-гое хотят сказать. Но еще большего они сказать не смогут, не сумеют.

Никто не ожидал такого конца.

Их нашли. Недалеко от того самого населенного пункта, километр от трассы, в овраге. Сгоревшая девятка, в ней: его пацаны с прострелянными лбами.

Всё!

Позвонил Валду. Сначала телефон не брали. Крутанул диск аппарата вновь – мало ли! Взяла мать, тихо прошептала: «Валдис умер…» – Что-то еще, Спир уже не слышал… Мир вокруг превратился в боль. Глаза, руки – тело отказывалось подчиняться, дышать: «Кто-то был в курсе, что мы разменяем камни на пять тысяч долларов. Ждали нашу «девятку». Никто не знал про форд. Та-а-ак… Поэтому я выжил».

Набрал номер Рыжего из Юрмалы, тот запричитал: «Слышал, соболезную… недавно… вместе все. Валдис… вообще непонятно. Да, кстати! – менты сказали: мать приносила камни Валдиса… Так вот, экспертиза установила, что они внутри пустые, но с наполнителем, короче, фуфел… но! Фуфляк крутой – лох не въедет. Короче, их, камни-то, и искали по ходу, когда Валда замочили».

Спир отстраненно, с пустыми глазами, куда-то ходил, что-то делал, организовывал похороны… Домой его привозили, утром увозили. (Форд изъяла милиция после первого же обращения в ГАИ на регистрацию: машина была угнана год назад в Таллине сразу после покупки. Вызвали владельца – тачку вернули.)

В больнице по беспределу покалеченные Вовка с Лехой провалялись неделю. За пару дней до выписки зашел Спир, принес спирту. – Посмеялись, тут же взгрустнули. Помянули Дениску с Юмом, не чокаясь, втихаря.

Леха шепотом:

– Они сказали: «Мы вас предупредили!»

– Знаю, братан, знаю… – Спир похлопал друга по плечу, на цыпочках вышел из палаты, обернувшись на ходу: – Выздоравливай! – Прикрыл дверь. Аккуратненько.

Пять утра.

Зеркальный, тонированный вход в Казино. Отражаются огни, реклама – отблески светятся, мигают. От праздника серый невзрачный мир отделяет невидимая черта шириной… в шаг. Спир медленно, неровно вывалился из увеселительного заведения, угрюмо прислонился спиной к стеклу, пьяный, замкнутый. Вертикально отделился от двери и, даже не выставив руки для опоры, камнем грохнулся лицом в асфальт. На черту.

Встал. На лице небольшая ссадина. Пальто до пят, два метра ростом, рукой назад закинул челку. Не шатаясь, расправив плечи, двинул вперед. Он стал другим.

Корякин

Учитывая обстоятельства, положение незавидное. Без координации сверху всем хана! Координатора они убрали сами. С грехом пополам отправив Секунду в Афган, Корякин со Спириным выпросили у руководства лишний день на улаживание кое-каких дел в Термезе. Вся надежда на упертого, но жадного Джахонгира, посольского ставленника Ясенева в Кабуле. Одна ошибка – смерть! Да еще хорошо, если смерть, а то и… А то и совесть может замучить в подземельях, что похуже бутырских. Не хотелось бы… С работой по узникам совести они и сами знакомы не понаслышке – не раз приходилось улаживать отношения с неразговорчивой публикой.

Да, поторопились, не досчитали. Хотя обнаружение золота во время расследования тем более обернулось бы медленной гибелью всего… стало бы бóльшим злом. Кряк, естественно, знал о лихих делах Шефа, но… исправно брал деньги, несмотря на предчувствия. Организовывая криминальные поставки товара, либо участвуя в спецоперациях, всегда действовал в рамках поставленных задач, что не противоречило ни убеждениям, ни навыкам военного… бывшего военного, взятого Шефом с поличным после убийства полковника Тропилина в его сверхохраняемом доме.

Кряк находился в растерянности. Как мог прикрыл Секунду, связался с посольством в Кабуле, обеспечил безопасность, какую-никакую легальность. Вывел из-под удара отряд, людей Спирина, доложил обо всем в Москву. И, главное, взял на себя ответственность за убийство Ясенева: типа пришлось выстрелить в воздух, обозначая самозащиту (мол, промазал). Этот выстрел и должен послужить следствию основанием для оправдания – один патрон против четырех подполковника и двух, смертельных, Спирина.

Спирин… Капитан в тридцать семь лет. Еще один благодарный человек, спасенный Шефом от многолетней отсидки. Бывший главшпан, за ним – не одна жертва до встречи с Ясеневым, и не меньше – после. Чего стоило смыть его бандитское прошлое – одному богу известно. И Ясеневу.

Кряк должен переправить Секунде груз. Возможно, это последнее их совместное дело, хотелось бы верить… Но что-то подсказывало Сереге Корякину уже сейчас: «Хватит, остановись!» – Так каждый раз: цепь последовательных действий-событий исключала разрыв какого-либо звена и выход из дела без существенного вреда кому-либо из пацанов, что автоматически отбрасывало самоустранение. Джахонгир прислал двух надежных людей в Термез, третий человек ждал на границе со стороны Афгана. Золото пойдет грузовиками вместе с гуманитарной помощью и продовольствием. Прохождение границы оформлено официально по линии российского обеспечения невоенными грузами с кодом дипломатического допуска. Одно «но»: помощь внеплановая. У кого-то это вызовет вопросы в дружественном Узбекистане, служители закона которого признаны самыми вредными и «неприступными» в СНГ. У кого? – неизвестно.

* * *

– Слышь, Секунда, а чем ты занимался до отсидки? – спросил Кряк.

– Джаз играл. – Спецы весело заржали, в вагон удивленно заглянул часовой – что-то шумно для раннего утра: на столе чай, конфеты.

– Все нормально, сержант! – Спирин подлил кипяточку в тяжелые стаканы, приготовившись слушать человека, раскрывшего им с Кряком здесь, в Душанбе, тайну «золотого столыпина».

– Музыка, конечно, здорово, но больше это напоминало карточную игру с тузом в рукаве.

11

Колька-Секунда, конец восьмидесятых

Двадцать «николаевских» червонцев ровнехонько красовались на откидном столе в купе поезда «Новосибирск-Ленинград». Колян брал по одной и – губы в трубочку – пыхтя, протирал монеты фланелью.

Топор сидел напротив, исподлобья копаясь в своих мыслях-думках: все должно сработать четко, без запинки. Уперев тяжелые руки в матрас, он приподнимал крепкое тело и балансировал, покачиваясь, согнув ноги в коленях – не хватало движения. Немного ломало с похмелья: «Так, та-а-к… через час причаливаем».

…Гостиный встретил нервным гулом толпы. Разошлись. Колян вразвалочку побрел вдоль окон-витрин к Метрополю. «Столица» давила огромным грязным небом. День, почти утро – а плотный влажный воздух превращал контуры в вечернюю изморось. Руки в карманах – из-под кепки раскованный внимательный взгляд.

Топор на другой стороне Садового кольца. Его не видно, но он на стреме. Колян пронырливо выискивал-вынюхивал в воздухе иностранщину: обрывки фраз, «пшеки», «эйшенс». Они специально отошли от центрального пятачка, чтоб не нарваться на местных спекулянтов – чужакам здесь не место. На это и расчет – типа проездом, sorry man.

Поляки стояли гурьбой, весело обсуждая (или осуждая?) расстановку за витриной. Смеялись… толкаясь. Колян был рядом, тоже смотрел на чудеса совкового индпошива, похохатывал. Крайний пшек с удивленной настороженной улыбкой нехотя повернулся к соседу: «???» – Его взгляд тут же встретил полуоткрытую ладонь Коляна – чирик был виден только пшеку. Блестел…

– Интрестинг?

– How much?

– Нот вери икпенсив!

– ??? – Брови вверх.

– Ван хандрид. Долларз… – Брови остались вверху. Пять секунд.

– How many pieces?

Колян не понял:

– Двадцать штук! Двад-цать!

«Пшек» в свою очередь не понял:

– We’ll go to hotel! – Колян кивнул в ответ. В ногах какая-то слабость, вата.

В Интурист заходили шумной толпой – Топор с Коляном в центре, прячась от охраны. Колян громко «базарил» по-английски, нет, по-польски, и еще громче, по-фирменному, хохотал, пытаясь прикрыть ну явно не «стэйтсовскую» морду друга. Пшеки были навеселе, хотели продолжить. Сковывала настороженность Топора. Компенсировалось все дружелюбным гоготом Коляна: «Матрёшки! Горбачефф! Okey!» – Этикетки на бутылках, сигареты Marlboro, Winston, фирменные кейсы: «американская мечта» юности, воплощенная с фотографий Битлов и Слэйдов над кроватью в хрущевке…

Двадцать монет как-то звонко между делом были проверены на зубок. Весело отсчитаны двадцать «Франклинов», немного задержался с пересчетом Колян (слабость из ног перетекла в руки). Он два или три раза нервно переложил из кармана в карман неудобную пачку, выручил Топор: спокойно взял баксы, серьезно, без ухмылки посмотрел на напарника.

«Нормально… – Колян расслабился в кожаном кресле. Секунда… Встаем! – Ну?.. Нам пора». – «Николаевки» празднично блестели на матовом стекле стола.

– No, no, no! – Пшеки врубили Шарп (десятиполосный эквалайзер!). В широких стаканах забулькал вискарь. – Gorbachyof-f-f! Perestroyka-a-a! Matryosh-ki-i-i!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.